

ЗОЛОТОЙ ВЕК АНГЛИЙСКОГО ДЕТЕКТИВА

ДЖОРДЖЕТ

ХЕЙЕР

.....

УБИЙСТВА
НА ЧАРЛЗ-СТРИТ

.....

КОМУ ПОМЕШАЛ
СЭМПСОН УОРРЕНБИ?

Золотой век английского детектива

Джорджетт Хейер

**Убийства на Чарлз-стрит. Кому
помешал Уорренби? (сборник)**

«АСТ»

1951, 1953

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)6-44

Хейер Д.

Убийства на Чарлз-стрит. Кому помешал Уорренби? (сборник) /
Д. Хейер — «АСТ», 1951, 1953 — (Золотой век английского
детектива)

ISBN 978-5-17-097109-1

Респектабельная партия в бридж в шикарном особняке миссис Хаддингтон завершилась убийством: кто-то задушил близкого друга хозяйки. Однако это еще не все: очень скоро убийца нанес новый удар, и на сей раз его жертвой стала сама миссис Хаддингтон! Но кто же убийца? Инспектор Хемингуэй, которому поручено расследование, понимает: все свидетели нагло ему лгут. Молодая секретарша, эксцентричный лорд, светская львица, даже красавица дочь одной из жертв. Им всем явно есть что скрывать... Убийство провинциального юриста Сэмпсона Уорренби никого не опечалило, скорее прямо наоборот. Но преступление есть преступление, и убийца должен понести заслуженную кару. Однако на сей раз у инспектора Хемингуэя особенно много подозреваемых: ведь Уорренби успел насолить абсолютно всем, кто хорошо его знал, от собственной племянницы и ее возлюбленного до местного сквайра, от соседа писателя до отставного майора, разводящего пекинесов.

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)6-44

ISBN 978-5-17-097109-1

© Хейер Д., 1951, 1953

© АСТ, 1951, 1953

Содержание

Убийства на Чарлз-стрит	7
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	38
Глава 8	46
Глава 9	54
Глава 10	63
Глава 11	71
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Джорджет Хейер

Убийства на Чарлз-стрит. Кому помешал Сэмпсон Уорренби?

Джорджет Хейер – родоначальница популярного жанра «любовный роман в стиле эпохи Регентства», автор историко-приключенческих произведений, писательница, чьи книги в XXI веке переживают второе рождение.

Она обращалась к криминальному жанру не так уж часто, однако ее книгами восхищались Агата Кристи и они считаются классическими образцами английского детектива.

Серия «Золотой век английского детектива»

Georgette Heyer

DUPLICATE DEATH DETECTION UNLIMITED

Перевод с английского *А. Ю. Кабалкина*

Печатается с разрешения Heron Enterprises Ltd и литературного агентства The Buckman Agency.

© Georgette Heyer, 1951, 1953

© Перевод. А.Ю. Кабалкин, 2017

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Убийства на Чарлз-стрит

Эта книга написана в ответ на претензии некоторых судей и адвокатов, им автор и посвящает ее со всем смирением.

Глава 1

Утром в понедельник на подносе перед миссис Кейн красовалась стопка из нескольких писем многообещающего вида. Просмотрев их с выражением лица человека, надеющегося отыскать сокровище, она отобрала только два, почерк авторов которых свидетельствовал либо о прискорбной безграмотности, либо о малолетстве. Одно было надписано красными чернилами, другое – разъезжавшимся пером, в котором застрял волос. Оба были адресованы мистеру и миссис Кейн, но обращение к своему супругу миссис Кейн проигнорировала. Послания начинались, разумеется, со слов «дорогие мамочка и папочка», но та их часть, на какую притязал бы мистер Кейн, непременно должна была содержать приписку «скажи папе». Содержавшиеся в ней сведения обычно касались спортивных проблем. Срочные просьбы, от денег на удовлетворение ранее непредвиденных, а ныне остро насущных потребностей до немедленной отправки предметов, на чей поиск приходилось тратить несколько дней и силы, с редким постоянством адресовались именно мамочке.

Так происходило с того грустного дня, когда восьмилетний Сайлас Джеймс Кейн отправился в подготовительную школу. Ничего не изменилось и этим февральским утром, хотя Сайлас Кейн проявлял все больше интереса к областям знаний, необходимым для общего вступительного экзамена в среднюю школу. Его младший брат Адриан Тимоти Кейн в той же школе Святого Киприана с радостью предавался всевозможным спортивным утехам и изводил нелюбимых наставников, стараясь как можно меньше утруждать себя на учебном поприще. Если бы кто-нибудь попросил, миссис Джеймс Кейн охотно пересказала бы письма сыновей собственными, совсем не лестными словами, но это не мешало ей каждый понедельник тщательно изучать почту и радостно выуживать из нее два письма, превращавшие понедельник в красный день календаря.

На сей раз – как, впрочем, и всегда – письма не изобиловали сведениями о моральном и физическом благополучии ее отпрысков. Материнский вопрос о болях у Адриана в животе, которые могли свидетельствовать – или не свидетельствовать – об аппендиците, остался без ответа, как и обращенное к Сайласу требование «узнать у мистера Кентмера, когда будут короткие каникулы, чтобы мы с папой могли вас навестить». Оба юных джентльмена сильно огорчились бы, если бы родители не приехали, но пока, в начале четверти, они были озабочены более животрепещущими темами, главной среди которых оказалось похищение мочалки у некоего Болтона Бэгби. Ее, как уведомлял Адриан Кейн, «выбросили из окна Большой спальни».

Джеймс Кейн, обрадованный этим местом в письме, усмехнулся:

– Вот чертенок! А что пишет Сайлас?

Миссис Кейн с любовью в голосе зачитала письмо своего первенца. Оно открывалось почтительной надеждой на доброе здоровье родителей. Автор просил передать папе, что «в матче против Сент-Стефанс мы выиграли 15:0, они продули вчистую». Умолял прислать ему конверт с почтовыми марками, помеченный как «мой обменный фонд». Уведомлял мать, что ввиду склонности неназванного лица или группы лиц к воровству ему требуется новая пара перчаток для игры в «пятерки». В скобках красовалась трогательная приписка «если получится», а постскриптум содержал привет сестренке Сьюзен и новорожденному братику Уильяму.

– В общем, у них все хорошо! – Миссис Кейн спрятала в конверты оба захватывающих послания.

Мистер Кейн не стал спрашивать, на каком основании она сделала данный вывод. Его собственная почта содержала вызов в налоговое управление, который при недостаточном знакомстве с этой организацией можно было бы принять за неудачную шутку, поэтому просьба сына купить ему перчатки для игры в «пятерки» была воспринята в штыки. Разгневанный папаша разразился осуждением воспитания, которое дети получают от своей матери, позволяющего им расти в уверенности, что их отец – миллионер. Устав его слушать, миссис Кейн сказала:

– Хорошо, я напишу ему, что перчаток он не получит.

Джеймс Кейн был уравновешенным джентльменом, но, услышав ее слова, бросил на свою спутницу жизни презрительный взгляд, заявив, что сам об этом позаботится. Затем подставил свою чашку, чтобы жена долила ему кофе, и горестно заметил: с каждым днем Сайлас все больше становится похож на брата Тимоти.

– Кстати, о Тимоти! – подхватила миссис Кейн, поднимая голову от письма длиной в несколько страниц. – Мне написала твоя мать.

– Вот как? – Мистер Кейн заинтересовался и не стал открывать газету. – Что она пишет про Адриана?

– О нем ни слова... Хотя нет! «Скажите Джиму, что я надеюсь на него: хотелось бы избавить Адриана от ненужных волнений. Он очень слаб, и отвратительная погода не идет ему на пользу».

– Если Тимоти опять взялся за свое, то напрасно моя мать думает, будто я стану его урезонивать!

– Джим, дорогой, ты прекрасно знаешь, что придется, если он действительно связался с какой-то ужасной особой. Честно говоря, звучит злое!

– Моя дорогая, я достаточно наслушался о его сногшибательных блондинках от матери. – Мистер Кейн открыл «Таймс». – Что ее не устраивает на сей раз? Гардероб, происхождение, вообще все, что касается его новой пассии? Без сомнения, она права. Только зачем впадать в панику всякий раз, когда Тимоти заглядывается на очередную эффектную особу?

Он набил трубку и на десять минут погрузился в изучение статьи о гольфе.

– Ты идешь по ее стопам, – вскоре продолжил он. – Вы обе ведете себя так, словно Тимоти – кембриджский первокурсник. Я тоже от него не в восторге, но мое мнение – горбатого могила исправит. Если в двадцать семь лет ты падок на блондинок, значит, туда тебе и дорога!

– Тебе безразлично, что с ним будет? И потом, речь не о блондинке, а просто о новой девушке.

– Шустрый малый! – бросил Кейн.

Миссис Кейн пропустила его реплику мимо ушей и, нахмурившись, продолжила чтение письма свекрови. Наконец, подняв голову, она произнесла:

– Это совсем не смешно, Джим. Он намерен жениться на ней.

– Тимоти? Вздор!

– Он сам сообщил об этом.

– Но кто она?

– По словам твоей матери, она не может это выяснить. Похоже, у нее нет родственников, происхождение неизвестно. Зовут ее, – миссис Кейн заглянула в письмо, – Бьюла Бертли. Леди Харт пишет, что это совсем не снобизм – интересоваться происхождением жены своего сына. Короче говоря, она не возражала бы хоть что-нибудь выяснить о ней и даже проникнуться к девушке симпатией.

– Мать с ней знакома?

– Да, они познакомились у Тимоти. Она пишет, что не понимает, что он в ней нашел, ведь она совершенно ему не подходит и лишена манер. От такой не приходится ждать ничего хорошего. У нее на лице написано «авантюристка» – вот вывод твоей матери.

– Господи! – вскричал Кейн. – Что за нелепость?! Месяца не прошло с тех пор, как мать содрогалась от другой красавицы блондинки и недоумевала, зачем Тимоти такая теща, как миссис Хаддингтон! Где он взял эту?

– У тех же самых Хаддингтонов. Она секретарь миссис Хаддингтон. Леди Харт пишет, что девушка настроена откровенно враждебно и вызывает подозрение. Мать ни слова не сказала об этом сэру Адриану, потому что таких, как эта девушка, он на дух не переносит. Зачем его волновать? Видимо, официального обручения еще не было. Потрудись прочитать письмо сам.

Кейн отложил «Таймс» и неторопливо, с явным намерением свести ее с ума – таково было мнение супруги – прочитал пять страниц, написанных убогим почерком. Затем сложил письмо и отдал жене.

– Ну? – нетерпеливо спросила она.

– Не скажу, что это приятное чтение. – Однако мы располагаем только мнением моей матери. Ты видела женщину, которую она сочла бы подходящей парой для Тимоти? Я – нет.

– Я тоже. Но разве не странно для девушки, знакомящейся с будущей свекровью, не сообщить о своих родителях?

– Может, дело в робости?

– Ерунда! Какая-то она подозрительная, Джим, ты сам это знаешь.

– Нет. А если бы и знал, то что мог бы поделать, черт возьми? Я не опекун Тимоти!

– Но ты на много лет старше его. Он всегда любил тебя.

– Милая моя, – повысил голос от возмущения мистер Кейн, – возможно, я и являлся для Тимоти героем, когда он был мал, однако с тех пор прошло много лет.

– Конечно, я не утверждаю, что он по-прежнему смотрит на тебя как на полубога, но он тебя очень любит, Джим.

– Разумеется, ведь ему приходилось мириться с моим вмешательством в его дела, – мрачно буркнул Кейн.

– Джим, ты должен что-нибудь предпринять! Ты же не допустишь, чтобы Тимоти угробил свою жизнь? Что толку твердить, что он сам сможет позаботиться о себе? Он ведь бывший десантник. Если тебе все это безразлично, то мне нет. Никогда не забуду, как в ужасные времена Дюнкерка он казался мне ангелом. Ты находился тогда в Италии, а он использовал все два дня своего отпуска, чтобы навестить меня в отвратительном месте, куда я увезла детей. Пытался научить Сайласа ловить мяч, но все без толку, бедняжка был еще совсем мал! Он был таким милым!

– Неужели?

– Не Тимоти, а Сайлас. В общем, тебе нельзя бездействовать, Джим. Попробуй хоть что-нибудь выяснить об этой девушке. Почему бы тебе не съездить в Лондон и не повидать их?

– Я как раз отправляюсь в Лондон на следующей неделе и загляну к Тимоти, но что касается шпионства... Не хватало, чтобы в следующий раз ты стала подбивать меня нанять для слежки за этой злополучной особой целое детективное агентство!

– Ну, если она вызовет у тебя подозрения, то...

В тот момент, когда Кейн подыскивал слова, чтобы выразить свое возмущение, явились Сьюзен Кейн и Уильям Кейн в сопровождении деспота, помыкавшего всем семейством.

– Доброе утро, мамочка и папочка! – воскликнула Сьюзен. – Мы пришли поцеловать вас.

Она водрузила Уильяма Кейна на материнские колени, поскольку не собиралась лишать родителей их детей, и снисходительно улыбнулась Кейну-старшему. Затем смахнула пыль с каминной полки, поправила кресло и жизнерадостно заявила:

– Боюсь, для мамы нынче утром у нас неважные новости, хотя я, как про них услышала, сразу сказала Уинни: «Не надо тревожить миссис Кейн до завтрака». И папочка любит завтракать в тишине, ведь так?

Заметив газету, которую Кейн уронил на пол, Сьюзен подняла ее, аккуратно сложила и убрала подальше, чтобы он не смог до нее дотянуться. Кейн, приступивший к ежеутреннему ритуалу – обучению заходящейся от восторга дочери удержанию на кончике носа кусочка сахара, – украдкой покосился на жену. Миссис Кейн ответила ему ободряющей улыбкой, зная, что при первой же возможности услышит от него, что ей следует наконец сделать выбор между «этой женщиной» и любящим супругом. В особенно напряженных ситуациях Кейн уточнял, что ему неведома причина, по которой в собственном доме к нему относятся, как к помеси великовозрастного тупицы и двухлетнего ребенка. Сейчас он добавил, что если это исчадие ада еще раз назовет его «папочкой», то за последствия он не отвечает. К счастью для порядка и спокойствия в доме, он либо слишком боялся няни, чтобы претворить свои угрозы в жизнь, либо хорошо сознавал ее незаменимость. К тому же няня, напоминая в военное время неприступную, хоть и улыбчивую сторожевую башню, достигла новых высот теперь, когда ужасы мира лишали хозяев последних жизненных сил.

Кейны, вернувшиеся во флигель особняка, унаследованного мистером Кейном от бабки, ввиду чрезмерного налогообложения не могли содержать восемь-девять человек, необходимых в доме и в поместье, и признавали в высокопрофессиональной и накрахмаленной владычице детской подлинное сокровище, чья грубая жизнерадостность превращала в ничто любой домашний кризис. Когда уволилась кухарка, прослышавшая, что в Лондоне она сможет зарабатывать втрое больше, поскольку столичных жителей угрозами легко загнать в дорогие рестораны, няня лишь рассмеялась, добавив, что если мамаша тоже будет иногда присматривать за детьми, то она решит проблему сама. Если горничная Уинни, эта умственно отсталая (что, по утверждению няни, было заметно далеко не всем), бросала работу из-за зубной боли и упрямого отказа выдрать больной зуб, няня утешала страдальцу ночь напролет. Невосприимчивая к новым веяниям, няня, все же слышавшая про прогрессивную доктрину «максимальная плата за минимальный труд», отмела ее, заявив, что «языком серебряные приборы не отчистишь». Нельзя было не восхититься авторшей этого благородного постулата, отвечавшей на соблазны новой эпохи презрительным фырканьем и усердной обработкой ложек и вилок!

Теперь этот образец преданности заявил с видом человека, пересказывающего забавный анекдот:

– Итак, мамочка, утром Флорин не явилась, что меня не удивляет, ей ведь платят раз в неделю, а сегодня только понедельник. Невелика потеря, скажу я вам, хотя обо всем, что она вытворяет, я умолчу: меньше разговору – больше дела, да и что оплакивать пролитое молоко! Я и думаю: посажу Билла в коляску и пойду в деревню, спрошу миссис Формби, не согласится ли она помочь, хотя «помочь» – не то слово, учитывая, сколько вы ей платите, но я о другом. Кухарка кухаркой, но, может, Сьюзен тоже не прочь сходить в деревню, верно, лапочка? Нет, вы только посмотрите на эти липкие ладошки, а ведь еще надо нагреть воду, Джексон-то забыл про котел, уходя вчера домой! Куда катится мир? Да, мамочка, миссис Формби – лучший выход, но на вашем месте я поместила бы объявление в «Глазго геральд», потому что эти шотландки – чистюли, чего о многих других, чьих имен мы в этой компании не называем, не скажешь, верно ведь, детки?

Утратив способность и дальше внимать речам этой чудесной особы, Кейн встал из-за стола с неуклюжестью, свойственной тем, кто оставил лучшую часть левой ноги во вражеской земле. То, что Кейн думал об этой своей потере, он никому не говорил, и единственный произнесенный им вслух намек на нее был благодарностью Провидению, снабдившему его протезом и позволившему не пасть в глазах потомства, слышавшего неоправданную похвалу от их дяди

Тимоти. Но для миссис Кейн зрелище надевания папочкой протеза всегда было испытанием, и всякий раз она с замиранием сердца наблюдала его хромоту.

– Забудь про Тимоти! – воскликнула миссис Кейн. – Тебе обязательно ехать на следующей неделе в Лондон?

Джеймс Кейн улыбнулся ей, в три прыжка обогнул стол, чтобы поцеловать ее в щеку и ласково проститься, и удалился с намерением продолжить развлекаться в ближайшем населенном пункте. Из этого миссис Кейн уяснила, что утрата конечности не представляет для него ни физического, ни морального неудобства и он намерен побывать в Лондоне и там постараться отговорить единоутробного брата от заключения нежелательного брачного союза. Теперь она могла посвятить себя домашним проблемам, ведь, что бы Джим ни говорил, он обладал немалым влиянием на Тимоти и был способен уладить все неприятности.

Эти успокаивающие умозаключения миссис Кейн были бы верны, обратись леди Харт за помощью к ней раньше или отправься Кейн в Лондон без промедления. Вышло же так, что, добравшись до Лондона, он принял участие в действе, которого, как было без прикрас заявлено жене, успел за свою безгрешную жизнь наесться досыта.

Глава 2

– Возьми эклер! – великодушно предложил молодой Харт. – Он сделан, вероятно, из заменителей яиц и наполнен синтетическим кремом, что гарантирует атрофию, а вовсе не избыток веса.

Его спутница, долго сидевшая в хмуром молчании, подняла голову, улыбнулась и произнесла:

– Нет, благодарю, я не боюсь располнеть.

– Это никуда не годится! – простонал Тимоти. – Что за отталкивающее место!

– В каком смысле?

– В том смысле, что это место производит отталкивающее впечатление. Столик маленький, шаткий. Неудобные стулья, мешающие нормальному общению. Атмосфера, как в балагане...

– Я не об этом. Почему никуда не годится, что я не боюсь располнеть?

– Это единственное, чего ты не боишься, насколько я успел заметить.

Она взглянула на него испуганно, потом уставилась в стол и заявила:

– Не говори глупости!

– Я не о том, что всего остального ты боишься. Просто не успел выяснить, чего еще ты не боишься. Чаю?

– Я не выйду за тебя! – выпалила Бьюла.

– Подобные заявления, – ответил Харт как ни в чем не бывало, – не следует делать в людных местах. К тому же это неправда.

– Ты ошибаешься. Я никак не могу выйти за тебя замуж. Как я сразу этого не поняла?

– Почему? Разве у тебя муж-католик, отказывающийся дать тебе развод, или еще какая-нибудь помеха? – с любопытством осведомился Тимоти.

– Конечно, нет!

– Тогда нам не о чем беспокоиться.

– Это тебе кажется. Дело в том, что... Кое о чем в моей жизни ты не имеешь никакого представления!

– Естественно, мы знакомы всего месяц.

– Тебе это не понравится.

– А я уже могу сказать, что в твоей юной жизни мне совсем не нравится, вернее, кто: Дэниел Сэтон-Кэрю.

Она вспыхнула:

– Он для меня пустое место, не беспокойся!

– Приятно слышать. Тогда пусть больше не обнимает тебя и не называет своей маленькой протеже.

– Такая уж у него манера. Он годится мне в отцы.

– Да, что вызывает еще больше возражений, – заметил Тимоти.

Бьюла прикусила губу и угрюмо промолвила:

– В общем, ты тут совершенно ни при чем.

– Еще как при чем! Ты дала мне слово, девочка моя!

– Как дала, так и забери. Я не могу стать твоей женой.

– Тогда я засужу тебя за нарушение обещания. Кстати, чем вызвана подобная резкая перемена?

– Наверное, у меня случилось временное помешательство. Ума не приложу, зачем тебе жениться на мне.

– Господи, а то я не говорил! Я тебя люблю!

– Говорил, говорил... – пробормотала она. – Этого-то я и не понимаю. Откуда взялась любовь?

– На твоём месте я бы об этом не беспокоился. Конечно, если ты настаиваешь, я бы перечислил многое, из-за чего меня к тебе влечет, но по большому счету все это не так важно. Если совсем просто, мы с тобой подходим друг другу. Разве нет?

– Да, но...

– Вот видишь! Знаешь, для умной девушки ты говоришь глупости. Ведь ты сильно удивишься, если я спрошу тебя, что такого ты во мне увидела, чтобы влюбиться?

Глаза Бьюлы весело сверкнули:

– А вот и не удивилась бы! Любому с первого взгляда ясно, что€ меня привлекло. То, на что клонули еще с полсотни девушек.

– Ты преувеличиваешь, – возразил Харт. – Правильный ответ – сорок три, включая мою малолетнюю племянницу. Боюсь, что наш брак ее сильно огорчит. Она говорит, что сама хочет выйти за меня замуж, что, разумеется, немыслимо. Если бы мы жили в Средневековье, я бы мог добиться исключительного разрешения.

– Вот дурак! – улыбнулась мисс Бертли. – Не думаю, что племянница – единственная твоя родственница, которая была бы недовольна нашим браком.

– Твоя семья меня не примет?

– У меня нет семьи! – отрезала она.

– Совсем?

– Есть дядя, он женат. Я с ними не общаюсь.

– Ну и повезло мне! – воскликнул Харт. – Мне совсем не хотелось знакомиться с кучей теток и кузенов. Брат свидетельствует, что это ад. Он через все это прошел. Рука распухает от познаний, ноги гудят от ходьбы, ты думаешь, будто приготовил удачную фразу, а оказывается, что это те слова, которых не следовало произносить.

– Как у меня с твоей матерью.

– Наоборот! Отчетливо помню, как ты сказала ей «как поживаете?» и отпустила невинное замечание насчет зла, порождаемого прогрессом, примером коего служит отбойный молоток. Дальше ваша беседа сплошь состояла из междометий.

Возникла неловкая пауза.

– Я не умею поддерживать беседу, – наконец сказала мисс Бертли.

– Не хочу показаться хвастуном, но все, кто хорошо меня знал, твердили, что я болтаю за двоих, если не больше.

– Твоя мама, – не отступала мисс Бертли, глядя ему в лицо, – заклеила меня авантюристкой, и она права, я именно такая! Теперь ты все знаешь. Моя цель – выйти за мужчину с хорошим положением в обществе, не стесненного в средствах, завидного происхождения. Поэтому я и поощрила тебя сделать мне предложение.

– Неужели? – удивился Харт. – Зачем же было тратить время на меня вместо того, чтобы нацелиться на нашего нового пэра из социалистов?

С личика мисс Бертли мигом сошло выражение воинственности.

– Ты о Лансе Гизборо? Если бы он вдобавок следил за ногтями и стриг волосы...

– Милая моя! – Харт посуровел. – Если позволишь влиять на твое суждение таким мелочам, то ничего не добьешься. Я был о тебе лучшего мнения. Стоило ли тратить время и заманивать в брачную ловушку меня, когда рядом киснет целый живой барон? Или тебя ввели в заблуждение? Когда-нибудь, правда, нескоро, я унаследую титул баронета; но независимость в средствах – это не обо мне. Юристы и их клиенты ныне в таком положении, что я счастлив, когда доводится выступить в заштатном полицейском суде за самое скромное вознаграждение. Вид у меня холеный, с намеком на достаток, но за это я должен благодарить щедрость отца, поддерживающего меня материально. Вот что значит судить по внешности! Не скажу, что Гиз-

боро богач, однако не забывай: одна птица у него в руках стоит двух в кустах. Сколько многообещающих коммунистов соглашалось под женским влиянием остричь патлы и воздержаться от ношения галстуков кричащих расцветок!

– Замолчи, Тимоти! – попросила Бьюла. – Между прочим, он принадлежит к числу обожателей Синтии Хаддингтон.

– Вспомни, сколько раз ты и меня причисляла к ее обожателям.

– Сам сознался! – воодушевилась Бьюла. – Хотя если бы ты вокруг нее не увивался, мы бы не познакомились.

Харт вздохнул:

– Потанцевать три раза с девушкой, которой тебя представили в гостях, а потом принять от ее матери приглашение на бал и позвонить с вежливой благодарностью значит увиваться? Признаюсь: грешен.

– Так или иначе, – не унималась Бьюла, – миссис Хаддингтон числит тебя среди перспективных кандидатов. Знала бы она, что сейчас мы с тобой пьем чай, – прогнала бы меня!

– В таком случае поторопись на Чарлз-стрит, милая, и все ей выложи, – посоветовал Харт. – Вот только оплачу здесь счет – и устрою, чтобы уже завтра мы смогли пожениться. Будешь потом долгими зимними вечерами развлекать меня воспоминаниями о том, как тебя угораздило наняться к этой сухой цапле.

– Если хочешь знать, это место мне добыл Дэн Сэтон-Кэрю. Ну, еще не передумал на мне жениться?

– Я потрясен, однако непреклонен. Как такой особе удалось проникнуть в приличное общество?

– Подозреваю влияние леди Нест Паултон, – объяснила Бьюла. – Они подруги.

– В какие времена мы живем! Бедный старик Грейстоук! Ему, конечно, пришлось продать поместье, но я не подозревал, что Эллербек падет так низко!

– Ты несправедлив! – возразила Бьюла. – О положении лорда Грейстоука мне ничего не известно, зато я знаю, как и все, что супруг леди Нест купается в деньгах.

– Так я и думал. И где тут связь?

– Какая?

– А такая, прелесть моя, что при всей своей безмозглости леди Нест не стала бы заводить дружбу с незнатной вдовой и все ей выкладывать, не будь на то серьезных оснований.

– А еще говорят, что женщины язвительны! – презрительно воскликнула Бьюла. – Может, ты подозреваешь связь между ней и Дэном Сэтоном-Кэрю? Она дружит и с ним.

– Боже правый! Неужели все Эллербеки – безумцы?

– Сэтона-Кэрю считают привлекательным мужчиной.

– Кого он привлекает? Таких же дурней, как он сам?

– Например, леди Нест Паултон. Ее ты тоже отнесешь к категории дурней?

– Нет, к категории слабых личностей. Такие женщины в «веселых двадцатых» были падки на социальную демагогию – она щекотала им нервы. Хотя это ваше сборище на Чарлз-стрит я бы назвал скорее зверинцем.

– Перестань, Тимоти! – возмутилась Бьюла. – Там бывают весьма уважаемые люди.

– Могу представить нескольких безвредных субъектов, вообразивших, будто знакомство миссис Хаддингтон с леди Нест снимает с нее подозрения.

– Не отнесешь же ты к подобным субъектам полковника Картмела или сэра Родерика Уикерстоуна?

– Их – нет, любимая. Общеизвестно, что эти престарелые крокодилы заверят печатью своего присутствия респектабельность любого дома, где хорошо кормят и поят. Твоя уважаемая хозяйка наверняка приобретает вина и яства лишь на черном рынке?

– Даже если бы знала, не сказала бы! Все-таки я у нее служу.

– Значит, там. Кстати, каков твой статус в ее доме? Она называет тебя своим секретарем, но, похоже, ты часто рыщешь по Лондону со списком покупок.

– Секретарскую работу я тоже выполняю, только ее, конечно, немного, поэтому я хожу для нее за покупками и слежу, чтобы все было хорошо, когда она устраивает приемы. Вообще, стараюсь не допускать неприятностей.

– Сколько длится твой рабочий день? – вежливо осведомился Харт.

– Установленных часов нет. Предполагается, что я буду уходить в шесть, но миссис Хаддингтон предпочитает, чтобы я и позднее находилась у нее под рукой.

– Вот как? Не иначе, ты вытянула длинную соломинку!

Бьюла горько усмехнулась:

– Увы, я не член профсоюза. Получаю три фунта десять шиллингов в неделю и стол – либо вместе с семьей, либо отдельно, на подносе в библиотеке. Так мне нравится гораздо больше!

Ей вдруг стало не по себе от изучающего взгляда ярко-синих глаз Харта.

– Зачем тебе все это? – спросил он. – Твоя хозяйка, говоря начистоту, стерва стервой и не видит в тебе человека. Ты обязана вставать перед ней навтыяжку по любому щелчку пальцев с утра до позднего вечера. В чем смысл?

– Меня это устраивает. В наши дни работа на дороге не валяется. – Бьюла поспешила сменить тему: – Придешь на бридж?

– Да, а ты?

– Конечно, тоже там буду. Но играть не стану.

– Кто приглашен? Все те же?

– Да. Одиннадцать карточных столов плюс один-два человека, предпочитающих считать очки или просто наблюдать. Леди Нест будет с супругом, что уже придает вечеру блеск. Обычно он обходит Чарлз-стрит за милую.

– Кто станет его за это винить? Наверное, про присутствие великолепного Дэна Сэттона Кэрю спрашивать излишне?

– Конечно, он тоже будет. Послушай, Тимоти, ты ревнуешь? Если да, то немедленно выбрось эти мысли! Сначала я думала, что он как-то связан с миссис Хаддингтон, но, по моему, ошиблась: его интересует Синтия.

– Сатиры и нимфы! Нелепость! Будем надеяться, что это просто мимолетное увлечение. Трудно представить его женихом: слишком у него либеральные взгляды... Однако если он применяет свои чары к этой красавице, то можно понять, почему молодой Сидни Баттеруик так темпераментно развлекал компанию в тот вечер, когда мы слушали на Чарлз-стрит Столхэмский струнный квартет.

– Ты отвратительный!

– Отвратительным там был не я, – возразил Тимоти. – И я не воспользовался бы этим словом для описания ситуации. Я не против легкого утешения, к тому же человек широких взглядов...

– Шире некуда!

– Да, ширины моих недостает, чтобы объяснить ситуацию на Чарлз-стрит. Все-таки для меня она связана с девушкой, на которой я намерен жениться.

– Ты действительно считаешь меня невинным цветочком?

– Да, невзирая на все твои попытки убедить меня, что ты уже много лет умудренная светская дама.

Бьюла пожала плечами:

– Не моя вина, если ты упорствуешь в своих иллюзиях. Я предупреждала, что ты ничего обо мне не знаешь.

– «Ничего» – все-таки преувеличение! – радостно заявил Тимоти. – Например, мне известно, что в определенный момент ты возомнила, будто против тебя ополчился весь мир.

Еще я знаю, что ты в ссоре со своей родней, и под твоей малоубедительной личиной ранней умудренности скрывается страх.

– Страх? Чего мне бояться? – резко спросила она.

– Этого я не знаю и не готов выпрашивать. С меня довольно ждать и дожидаться того дня, когда женский инстинкт подскажет тебе, что я – тот, на кого ты можешь положиться.

Бьюла встала, схватила перчатки и сумочку и произнесла:

– Мне пора. Уже очень поздно. Не провожай меня. Я... Лучше не надо.

Глава 3

Дом на Чарлз-стрит, снимаемый миссис Хаддингтон, внешне почти не отличался от соседних домов, но изнутри не был похож вообще ни на что: по мнению молодого Харта, особенным его делало полное отсутствие индивидуальности. Обстановка просторных комнат не претендовала на уют. Всем, от тщательно продуманного расположения дорогих цветов в многочисленных вазах до выбора иллюстрированных журналов, выложенных на низком столике перед камином в гостиной, дом напоминал свежему гостю салон высококлассной мебели. Роскошные диваны и кресла, обитые той же тканью, которой были занавешены высокие окна, не говоря о подушках с огромными кистями, были расставлены и разложены с пристальным расчетом и непрерывно взбивались либо дворецким, либо самой миссис Хаддингтон.

Холл и лестницу застелили зеленовато-желтыми коврами. Под зеркалом в золотой раме стоял столик в стиле «ридженси», по сторонам от него несли караул два шератонских кресла с обивкой в тон ковро. Дверь из холла открывалась в столовую, где царили красное дерево и алая парча. Еще одна дверь, малозаметная, вела на лестницу в полуподвал. Там была другая дверь, за ней располагалась комната, обставленная как библиотека. Два ее высоких окна с внутренними ставнями и с занавесками из плотного бурого бархата выходили в столовую и в крытый сад с солнечными часами и несколькими клумбами, где цвели, в зависимости от сезона, нарциссы или герань. Вдоль стен теснились книги знаменитых авторов в красивых переплетах. На столе с двумя тумбами, водруженном между окнами, лежала толстая книга для записей в переплете из выделанной кожи, стояли ящик из красного дерева, где были сложены конверты и писчая бумага, и серебряная чернильница. Все кресла были обиты грубой кожей. Над комнатой помещалась еще одна, с выходом на лестницу между первым и вторым этажами, принадлежавшая хозяйке и известная всем, кроме мисс Бертли (упорно называвшей ее «гостиной миссис Хаддингтон»), как будуар. Она имела те же пропорции, как и комната внизу, но оформление было иное. Днем два ее окна затягивал тюль, который в темное время суток сменяла сиреневая парча. Ореховый столик с алебастровой сигаретницей и такой же пепельницей стоял рядом с кушеткой, заваленной сиреневыми и розовыми шелковыми подушечками. Два кресла были обиты сиреневым атласом, остальные, названные изготовителями «дополнительными», заполняли пустые места вдоль обшитых панелями стен. Пол закрывал пурпурный ковер. В углу между дверью и окном стоял столик на выгнутых ножках, служивший постаментом для телефонного аппарата, покрытого кремовой эмалью, и для лампы с розовым шелковым абажуром. Рядом с этим столиком находился стул, тоже колченогий, ромбовидная спинка и пружинистое сиденье которого были обиты той же сиреневой парчой, свисавшей по бокам от окон. Цветочный мотив был представлен в комнате алебастровой вазой, в нее летом ставили розы или гвоздики, а зимой лунник или лаванду.

Второй этаж дома полностью занимала гостиная – комната в форме буквы L. Первоначально здесь было две комнаты, соединенных сводчатым проходом. Над гостиной располагались спальни миссис и мисс Хаддингтон с ванными комнатами. Выше, сразу на двух этажах, простиралась терра инкогнита, населенная слугами миссис Хаддингтон.

Мисс Бьюла Бертли, чье задание в этот февральский день заключалось в обнаружении в Лондоне фирмы, которая взялась бы поставить по сходной цене икру для компании примерно из полусотни человек, вернулась на Чарлз-стрит и нашла хозяйку в гостиной, где та принимала свою единственную и притом незамужнюю сестру Вайолет Пикхилл. Между двумя дамами существовало внешнее сходство: обе худые, с длинными руками и ногами, с орлиным профилем. При этом было бы трудно подобрать двух других настолько несхожих людей. Мисс Хаддингтон была ухоженной и нарядной, ее худоба вместе с внушительным ростом всегда радовали портных. В медных волосах, уложенных красивыми волнами, не было заметно седых прядей.

Голубые глаза были слишком холодными, чтобы назвать их красивыми, но черты лица скорее приятными, и жесткость тонких губ обычно скрывала светская улыбка.

Мисс Пикхилл, моложе сестры на несколько лет, не прибегала к искусственным средствам приукрашивания своей внешности. Она была ниже сестры и еще тоньше, цвет ее лица и волос выглядел естественным, то есть в первом случае вообще отсутствовал, а во втором сменился с золотого на бледно-соломенный, местами подернутый сединой. Одежда из достойного материала была скроена безвкусно. Обитала она в запущенном доме неподалеку от Патни-Хилл, унаследованном у отца, и интересовалась приходскими делами, герл-скаутским движением, Женской консервативной ассоциацией и тому подобными достойными предметами. Невозможно было понять, что влечет ее в дом на Чарлз-стрит, поскольку мисс Пикхилл не одобряла все, что там видела, а ее визиты туда не поощрялись. Собственно, мисс Пикхилл туда и не тянуло, просто воспитание не позволяло забыть о долге, состоявшем в том, чтобы приглядывать за сестрой. Также она считала своим долгом отпускать критические замечания по поводу манер, облика, нравственности и амбиций миссис Хаддингтон и предрекать будущность в сточной канаве для своей племянницы, чье воспитание, по ее словам, исчерпывалось макияжем и беготней за молодыми людьми.

Мисс Пикхилл как раз распространялась на эту неисчерпаемую тему, когда Бьюла вернулась после чаепития с молодым Хартом, и только что уведомила сестру, что та непременно раскается, что отправила дочь учиться в Швейцарию, а не вырастила ее достойным членом общества. При виде своего секретаря миссис Хаддингтон не выразила удовольствия.

– Ну? – резко спросила она. – Что там?

– Простите, что прерываю, – произнесла Бьюла, выкладывая на кресло шелковый лоскут. – Это ближе всего к тому материалу, какой вы велели взять за образец.

– Никуда не годится, – заявила миссис Хаддингтон, презрительно теребя лоскут кроваво-красным ногтем. – Казалось бы, вы должны сами видеть это.

– Именно так, однако я решила принести вам доказательство. Икра всюду стоит одинаково.

– Иногда спрашиваю себя: за что я вам плачу?

Бьюла вспыхнула и поджала губы.

– Вот и я постоянно твержу то же самое! – подхватила мисс Пикхилл. – Для чего здоровой женщине твоего возраста, Лили, нужен секретарь, или как там называет себя мисс Бертли? Бегать за покупками? Икра? Очередной многолюдный прием? Бедный отец перевернулся бы от этого в гробу.

– Довольно! – произнесла мисс Хаддингтон, жестом отпуская Бьюлу.

– Я еще понадоблюсь вам сегодня? – спросила та.

Миссис Хаддингтон заколебалась. У нее намечались посещение театра и последующий ужин в новейшем и моднейшем ресторане Лондона, а значит, секретарь была ей уже ни к чему.

– Нет, можете идти, – промолвила она. – Не опаздывайте завтра утром.

– Я никогда не опаздываю. Хорошего вечера!

– Дерзкие манеры у этой девицы! – проворчала мисс Пикхилл, когда за Бьюлой закрылась дверь. – Хотя ты сама виновата, у тебя замашки погонщицы рабов! Полагаю, она вот-вот уйдет от тебя.

– Никуда не денется! – усмехнулась миссис Хаддингтон.

– Напрасно тешишь себя надеждами! Нынешние девушки не желают, чтобы ими помыкали. Мое дело предупредить.

– Я знаю о мисс Бьюле Бертли слишком много, чтобы она поторопилась уйти. А сейчас, если не возражаешь, я поднимусь переодеться. Собираюсь в театр.

– Театры, балы! – прошипела мисс Пикхилл. – По-моему, у тебя на уме одно это. Где ты берешь деньги на все эти причуды? Ведь Хьюберт не оставил тебе состояния. А если бы и

оставил, правительство все равно отняло бы его у тебя. Иногда я часами лежу без сна и переживаю из-за твоего образа жизни, Лили. Того и гляди, прочитаю в газете, что тебя привлекли к ответственности за обман налогового управления или за содержание игорного дома.

– Игорный дом? Опомнись, Вайолет!

– С тебя станется, – мрачно отозвалась мисс Пикхилл. – Можешь сколько угодно дурачить своих надутых друзей, но меня не проведешь! Ты ни перед чем не остановишься, Лили. Всегда была такой: лишь бы добиться своего, не важно, какими средствами! Никогда не забуду, как ты отвергла беднягу Чарлза Фриска, потому что появился Хьюберт с вдвое большим доходом. О мертвых плохо не говорят, но мне он никогда не нравился, отцу и подавно. Он повторял, что в нем есть какая-то червоточина, а уж с какими типами он якшался... До чего же все они были вульгарны! Как этот Сэтон-Кэрю, с кем я вечно здесь сталкиваюсь!

– Против этого есть верное средство: не приходите сюда! – заявила миссис Хаддингтон.

– Я знаю, что меня здесь не ждут. Но кровь не водица, и я помню о своем долге, Лили!

Она подставила сестре щеку, к которой миссис Хаддингтон слегка прикоснулась своей щекой, и сказала, что можно не вызывать дворецкого, так как найдет дорогу сама. После ее ухода миссис Хаддингтон уже двинулась к себе в комнату, но тут дверь опять открылась, и перед ней предстала дочь.

Девятнадцатилетняя Синтия Хаддингтон была девушкой выдающейся красоты: ослепительная золотая блондинка с огромными ярко-синими с зеленым оттенком глазами. Стройная фигура, элегантный покрой одежды и умеренное пользование тушью для бровей и ресниц доводили ее облик до совершенства. Дорогой девичий пансион, мало что добавивший к ее незавидным умственным способностям, научил ее двигаться грациознее сверстниц. Она хорошо танцевала и каталась на коньках, неплохо играла в теннис; недурно держалась в седле и могла не ударить в грязь лицом на выездке, но не на охоте. Характер у нее был неровный, здоровье не очень крепкое. В свой первый светский сезон Синтия частенько болела, но постепенно привыкла поздно ложиться, стала проявлять необходимую в свете выносливость и научилась быстро восстанавливать силы. Занимаясь приятными ей делами, она бывала весела и добродушна, но, когда что-либо нарушало ее планы, с ней могло случиться, по выражению ее матери, «нервное завихрение», то есть приступ гнева. Недоброжелатели категорически отказывали Синтии в уме, но были, пожалуй, несправедливы. Когда выдавалось несколько свободных минут, она листала светские журналы, а порой даже читала подписи под фотографиями в них. Войдя в свою спальню, неизменно включала радио.

Сейчас Синтия имела утомленный вид, но все равно выглядела чрезвычайно кокетливо в маленькой шляпке и на высоченных каблуках. Не отрывая взгляда от рекламных проспектов, она проговорила немного в нос:

– Мама, я столкнулась в дверях с тетей Вайолет. Никуда от нее не деться! Зачем ты впускаешь ее в дом? От нее одна зараза.

– Не могу же я ей запретить, – ответила миссис Хаддингтон, с нежностью глядя на изящную фигурку дочери. – Тебе идет это платье. Раньше я сомневалась, а теперь вижу – идет. Где ты была, дорогая?

– В кино с Лансом. Потом попили чаю. – Синтия опустилась в кресло и сняла шляпку. – Мне не понравилось: с титрами, все говорят по-итальянски, просто слабительное какое-то! Зато Ланс в полном восторге.

– О! – отозвалась миссис Хаддингтон. – Ланс? Ну, ничего. Не скажу, что этот молодой человек мне очень нравится, я бы одобрила, если бы ты встретила с Тимоти Хартом.

– Тимоти – просто чудо! – согласилась дочь. – И внешностью выигрывает у Ланса: мне нравятся голубые глаза в сочетании с темной шевелюрой, а тебе? Хотелось бы, чтобы аристократом был он, а не Ланс.

Миссис Хаддингтон не уловила в этих наивных речах ничего предосудительного. В целом она была с ними согласна, однако заметила, что принадлежность к аристократии – еще не все.

– Мне не нравится образ жизни Гизборо и его причудливые идеи. Если бы не его наследственный титул... – Она сделала выразительную паузу. – Конечно, лорд Гизборо – звучит громко, но воспитание у него хромает. – Насколько я смогла выяснить, мать у него была женщина простая, к тому же... Но это не важно.

– Ты о том, что, прежде чем выйти замуж за отца Ланса, она была его любовницей? – уточнила Синтия. – Трикси ужасно этим горда, потому что она коммунистка и выступает против уз брака.

– Беатрис Гизборо ничем не может меня удивить, хотя отрицание брака не имеет ничего общего с коммунизмом.

– Неужели? Наверное, я что-то напутала. Но я точно знаю: она жалеет, что отец женился на ее матери, ведь не будь этой женитьбы, Ланс не стал бы лордом Гизборо – ненавистный ей титул! К ней самой тоже не обращались бы «достопочтенная». Она упорно уговаривает Ланса стать просто «мистером Гизборо». Вряд ли бедняжке Лансу это понравилось бы. По-моему, он наслаждается тем, что лорд.

– В таком случае ему не мешало бы научиться вести себя, как подобает лорду, – ядовито заметила миссис Хаддингтон.

– Я тоже так считаю, – поддакнула Синтия.

– В общем, я предпочла бы видеть тебя с юным Хартом.

– Да, но лордом ему не бывать, мамочка!

– Не лордом, так баронетом. Он из очень хорошей семьи. Такое происхождение – именно то, чего я желала бы для тебя, деточка. В Гизборо я не уверена. Общается невеста с кем, придерживается сомнительных политических взглядов, рос в той еще обстановке... Иногда я даже сомневаюсь, что его когда-нибудь пустят в хорошее общество, даром что он носит титул. Его отец был, похоже, склонен к мотовству, а после своей губительной женитьбы вообще стал изгоем.

– Как тебе удалось это узнать? – удивилась Синтия.

– Я приложила немалые старания. Не хочу, чтобы ты совершила ошибку и испортила себе жизнь. Ты – все, что у меня есть, и все, что мне дорого, Синтия, и я добьюсь, чтобы ты получила от жизни самое лучшее.

Дочь зевнула.

– Все равно я выйду замуж за того, кто мне больше приглянется, – сказала она. – Пожалуй, я все-таки предпочла бы Ланса, ведь он не только лорд Гизборо, но и ни перед чем не останавливается, чтобы сделать мне приятно. Конечно, я не теряю от него голову, как от... Ни от кого я ее не теряю! В общем, я пока не решила!

Миссис Хаддингтон заглянула ей в лицо, похожее на распускающийся бутон, и с огорчением увидела на нем утомление и неудовольствие.

– Ты утомлена, – заключила она. – Тебе бы отдохнуть. Как некстати эта премьера!

– Я вытерплю, – пробормотала Синтия, с трудом удерживая открытыми веки.

– Не надо было ходить с Гизборо в кино.

– Глупости, мама! Чем еще было заняться? Сидеть дома и читать книгу?

Миссис Хаддингтон оценила силу этого довода и замолчала. Услышав мелодичный бой позолоченных часов, она воскликнула:

– Придется поторопиться, иначе опоздаем! Синтия, милая, признайся, ты не встречалась тайком от меня с Дэном?

Дочь широко распахнула глаза:

– Дэн? О чем ты?

Миссис Хаддингтон присела на подлокотник кресла и любовно погладила дочь по золотистой головке.

– Послушай маму, сокровище мое! Знаю, Дэн привлекателен, но он тебе не пара. Да, он мой старый друг, но если бы я узнала, что ты...

– Мама, у меня нет ни малейшего желания отбивать у тебя Дэна!

Миссис Хаддингтон сочла излишним порицать ее за такие речи и сказала только:

– Ну и хорошо. Только не воображай, будто я не знаю, как он старается понравиться тебе. Конечно, мужчины его возраста...

– ...слишком старомодны! Перестань, мама! Неужели уже шесть часов? Придется поднажать!

Она вскочила с кресла и нагнулась за шляпкой.

– Ты успеешь принять теплую ванну, – успокоила мать. – Она освежает!

– Все будет хорошо. Кто наши кавалеры?

– Роди Уикерстоун, Кенелм Гизборо с супругой и Фредди Атерстоун.

– Господи... – простонала Синтия.

– Знаю, милая, какая это тоска, но Гизборо знакомы со всеми, и я мечтаю, чтобы миссис Атерстоун пригласила тебя к себе на бал. Это было бы очень своевременно...

– Мне заранее скучно, – пожаловалась Синтия. – Кенелм Гизборо – тошнотворный зануда, женат на пустышке, да еще не выносит Ланса за то, что тот стал наследником. Пьеса, боюсь, тоже окажется отвратительной – с «посланием» или чем-то подобным, заставляющим рыдать от скуки!

Во взгляде миссис Хаддингтон мелькнуло огорчение.

– Милая, если ты действительно устала, то я позвоню Нест и попрошу ее...

– Не надо суеты, мама! Ванна приведет меня в чувство.

Миссис Хаддингтон испытывала на сей счет сомнения, но, снова увидев дочь, она была вынуждена заключить, что горячая ванна превратилась в чудо-средство. Синтия, видение в мягких тонах развевающегося желтого шифона, через три четверти часа сбежала по лестнице и ворвалась к собравшимся театралам, подкреплявшимся в библиотеке сэндвичами под коктейли. Она с улыбкой попросила прощения за опоздание и так сияла глазами, что Фредди Атерстоун, недавно покончивший с пленом одного брака и готовившийся к новому, испытал сильный душевный трепет. Одной миссис Хаддингтон, на время разучившейся моргать, лучезарная красота дочери будто не доставила никакой радости. Миссис Гизборо впоследствии внушала своему мужу Кенелму, что взгляд Лилии, обращенный на Синтию, был чрезвычайно странен, однако странность эта была до того скоротечной, что Кенелм Гизборо имел все основания утверждать, будто ничего не заметил, а его супруга просто выдумывает небылицы.

Глава 4

К девяти часам вечера вторника, когда у миссис Хаддингтон собиралась компания для игры в бридж-дуплет, несколько человек пребывали во взвинченном состоянии, а мисс Бьюле Бертли пришлось в целях борьбы с начавшейся головной болью глотать аспирин.

День сразу не задался: один из приглашенных вынужденно пришел к заключению, что обстоятельства, над коими он не властен, не позволят ему участвовать в почтенном собрании. Заверив уклониста сладчайшим голосом, что в его отсутствии не будет ничего страшного, миссис Хаддингтон зло бросила трубку и потребовала, чтобы горничная, принесшая на подносе завтрак, немедленно прислала к ней мисс Бертли с записной книжкой. Услышав, что мисс Бертли явится на Чарлз-стрит только через четверть часа, она разразилась ядовитой тирадой на тему о лени и никчемности всей своей прислуги, что, конечно, только усугубило решимость стоявшей перед ней представительницы данного ненадежного контингента. Поджав губы, горничная поспешила обиженным тоном попросить хозяйку принять ее уведомление об уходе.

– Не дурите! С какой стати вам увольняться? – спросила миссис Хаддингтон.

Сказав, что не намерена отвечать на этот вопрос, мисс Мапперли, противореча сама себе, принялась перечислять многочисленные причины, не позволяющие ей более оставаться под крышей миссис Хаддингтон. Главной среди них было ее нежелание прислуживать сразу двоим. По ее словам, жаловаться было не в ее правилах, но для мисс Синтии требуется отдельная прислуга, причем ее, Мапперли, нанимали не для этого.

Миссис Хаддингтон собиралась занять горничную перешивом купленного для Синтии на этот вечер платья, которое бессовестный портной доставил накануне в далеко не безупречном состоянии, но теперь уяснила, что ее планы на день подлежат пересмотру. Не имея склонности препираться с человеком, норовящим сбежать от нее по малозначительной причине, она просто выпроводила мисс Мапперли и обрушила свой гнев на секретаря.

Бьюла явилась на Чарлз-стрит только в десять, и это дало хозяйке повод словесно выместить на бедняжке дурное настроение. То, что миссис Хаддингтон сама велела ей начать утро с похода на рынок в Ковент-Гарден и купить там цветов на вечер, было благополучно забыто. Мол, у Бьюлы было достаточно времени, чтобы дважды сходить туда и вернуться.

– Обойдемся без ваших извинений! Принесите снизу мою записную книжку. Вечером мне будет не хватать одного игрока. Потом отправитесь в Фулхэм, к мисс Спеннимур, и передайте ей, что я жду ее сегодня для перешива платья мисс Хаддингтон. Ума не приложу, почему она не подходит к телефону? Раз с ней так трудно связаться, проще было бы вообще отказаться от ее услуг. Цветами займетесь, когда вернетесь.

К моменту возвращения Бьюлы от портнихи миссис Хаддингтон уже заняла последнюю линию обороны и была вынуждена пригласить вместо выбывшего гостя последнего человека, которого желала видеть у себя. Сесть за карты сама она не считала возможным, ведь это помешало бы спокойному течению игры, да и хозяйский присмотр нужен повсеместно. Всплыла кандидатура Сидни Баттеруика, как нарочно, не знавшего, чем занять вечер. Переставив столы так, чтобы он и Дэн Сэтон-Кэрю дольше играли в разных помещениях, мисс Хаддингтон понадеялась, что лишила его возможности проявлять ревность, которая всегда охватывала Сидни при виде Сэтона-Кэрю. Будучи даже более терпимой, чем молодой Харт, миссис Хаддингтон тем не менее не выносила сцен с повышенными тонами и обгрызанием ногтей, разыгравшихся порой на ее изысканных приемах.

Бьюла вернулась со сведениями, что мисс Спеннимур, по ее собственному выражению, сделает все, чтобы уважить миссис Хаддингтон во второй половине дня. Это отчасти сняло утреннее раздражение, однако безмятежность продолжалась недолго: по сведениям повара, лобстеры еще не прибыли в Лондон, и никто из торговцев рыбой не смог заверить, что при-

позднившиеся ракообразные успеют на стол к ее гостям. Повар осведомлялся, каким другим деликатесом мадам намерена ублажить сотню утроб? Стоило миссис Хаддингтон уладить эту проблему, как ее вниманием завладел Фримби, до крайности высокомерный дворецкий. Из-за своего повышенного оклада и поддержки хозяйки в его борьбе с остальной челядью он удерживался у нее дольше всех остальных, с самого ее водворения на Чарлз-стрит полтора года назад. Фримби был неизменно вежлив, считая неуचितность ниже своего достоинства, однако глубоко презирал хозяйку и нередко смущал избранных слуг, к которым снисходил, нелестными сравнениями между ней и своими прежними хозяевами. Бережливость, к которой миссис Хаддингтон принуждали обстоятельства, причем нередко в ущерб слугам, дворецкий воспринимал как личное оскорбление и твердил, что не привык «к подобным ухищрениям». В данный момент он был обижен отказом хозяйки привлечь помощь со стороны для облегчения его участи предстоящим вечером и уже выразил деревянным поклоном и приподнятой бровью свое отношение к людям, не возражающим, чтобы по меньшей мере половине их гостей прислуживали секретарь и горничная. Считая это покушением на свое достоинство, Фримби перечислял их миссис Хаддингтон как непреодолимые, хотя в другом доме легко их обошел бы. К тому же он был раздражен Бьюлой, которую сильно недолюбливал: она оставила охапку листы в раковине уборной и несколько деревянных поддонов с оранжерейными цветами в холле, попросив его к ним не прикасаться. Тонем измученного страдальца Фримби осведомился у миссис Хаддингтон, закончит ли мисс Бертли с цветами до обеда. Добавил, что если она намерена заниматься цветами в уборной, то следовало бы уведомить его об этом заблаговременно, поскольку уборка там уже произведена и теперь придется ее повторить.

Миссис Хаддингтон ответила, что цветы должны были расставить еще несколько часов назад, чем рассердила Бьюлу, заявившую, что в таком случае не следовало отправлять ее в Фулхэм. Уйдя, Бьюла постаралась как можно гуще насорить листьями, стеблями и корой. Воцарившееся спокойствие нарушила Синтия Хаддингтон, как водится, проспавшая допоздна и только теперь появившаяся из своей спальни с громким требованием ко всем немедленно оставить все прежние занятия и заняться поиском ее любимой компактной пудреницы, которую она куда-то задевала. Эта ужасная потеря грозила опечалить ее на всю оставшуюся жизнь, поэтому в доме начался переполох. Настроение Синтии, и так не бывавшее утром благостным, ухудшалось с каждой минутой. Доведя всех до белого каления требованиями обыска самых неподобающих углов и настойчивым утверждением, что пудреница была при ней при отходе ко сну накануне, она чуть не спровоцировала кризис домашнего масштаба, заявив, что пудреницу наверняка кто-то стянул.

Миссис Хаддингтон сначала проявляла к бедствию поверхностный интерес, но теперь поспешно вмешалась в события и велела дочери не нести чушь, напомнив, что пудрениц у нее по меньшей мере еще четыре штуки.

– А эта была любимая! – закапризничала Синтия. – Я не вынесу утраты! Такая кругленькая, с вышивкой и с...

– Конечно, милая, все мы знаем, как она выглядит! Это же рождественский подарок Дэна? Обязательно найдется, не переживай.

Но Синтия была глуха к увещаниям. Она бегала по комнатам, оставляя за собой хаос и донимая всех вокруг жалобами и упреками, пока не утомилась, поняв, что уже час дня и именно в это время ей надлежит быть на ланче в «Кларидже». Опоздание станет неприличным, если она не поторопится.

Миссис Хаддингтон тоже пригласили на ланч, однако она нашла перед уходом время осудить то, как мисс Бертли расставила цветы, и назвать вазы «грязными».

– Знаю, получилось не очень удачно, – вздохнула Бьюла. – Трудно, когда выбор невелик, а гвоздики такие непрочные!

– Человек со здравым смыслом сообразил бы скрепить их проволокой, – сказала миссис Хаддингтон. – Получается, мне самой надо обо всем думать! Извольте все переделать – и, прошу вас, пошевелите мозгами!

– У меня их нет, поэтому подскажите заодно, какая понадобится проволока и где ее найти, – резко произнесла Бьюла.

Миссис Хаддингтон прищурилась:

– Станете и дальше так со мной разговаривать, придется потом раскаиваться. Обратитесь к Фримби, а если у него не окажется проволоки, то купите ее. – И она удалилась.

Зная, что Фримби с радостью отвергнет смелое предположение о существовании в доме даже мельчайшего обрывка проволоки, Бьюла нехотя отправилась на ее поиски.

Возня с цветами, сопровождаемая хождением вверх-вниз со всевозможными емкостями, лишила мисс Бертли сил. Сгибание толстоватой и закрученной проволоки тоже было нелегким делом. Ее даже посетила мысль, что проволока для вешания картин – не совсем то, что требуется в данном случае, однако, проявив смекалку и изрядно повозившись, она добилась желаемого результата. Вазы были размещены по-другому, пол в уборной засверкал, лишняя проволока, смотанная в аккуратный моток, легла на полку до следующего раза. Бьюла уже предвкушала полчаса отдыха, когда в дверь позвонили, и через несколько минут Фримби сообщил о приходе портнихи, интересующейся, чем ей заняться до возвращения мисс Синтии.

Зная, что хозяйка возмутилась бы бездействием мисс Спеннимур в ее доме, Бьюла опять отправилась наверх, на сей раз в спальню Синтии. Эта комната на третьем этаже, в глубине дома, представляла собой апофеоз оформительского искусства. Ее можно было назвать «симфонией атласа». Ткань восхитительной персиковой расцветки украшала здесь окно, все кресла, туалетный столик в форме почки, ею же были обиты изголовье и изножье кровати. На предметах мебели сидели в небрежных позах неряшливые куклы, одна из них оседлала розовый эмалированный телефон у кровати. В комнате царил привычный беспорядок – результат совместных усилий одной личной горничной и двух других, втроем не сумевших совладать с манерой Синтии ронять снятую одежду на пол, а пудреницы, расчески, заколки и использованные бархотки – на туалетный столик. Бросив на неопрятный столик презрительный взгляд, Бьюла вытянула из комода ящик и извлекла оттуда клубок чулок. Логика подсказывала, что они нуждаются в штопке, поэтому она зажала их все под мышкой и поднялась на следующий этаж, в комнатушку, всегда отводившуюся мисс Спеннимур для работы. Там имелись стул, стол, швейная машинка, электрический утюг, две гладильные доски и старинная газовая плита, заменявшая почти утраченную способность нагреваться шипением и дымом.

Мисс Спеннимур, известная многим заказчицам как «посещающая меня маленькая женщина», действительно была малорослой и тощей старой девой, добывавшей скудные средства к пропитанию рысканием по Лондону и починкой одежды в чужих домах. Она величала себя портнихой, но это было слишком громко сказано, поскольку в данном качестве ее эксплуатировали лишь наименее требовательные заказчицы. Мисс Спеннимур была отличной швеей, но неважной закройщицей, в чем сама признавалась. Зато штопала безупречно и не только возвращала вещи их хозяйкам в обновленном виде, но и скрывала, что тратила на починку каждой недели три. А главное – именно это ее достоинство заказчицы ценили больше всего – она брала за свои услуги совсем немного. Как объясняла сама, «обычно меня кормят обедом, а это большая экономия, как же ее не учитывать? Иногда мне не везет, у некоторых не оказывается нормальной еды, но надо стойко переносить превратности судьбы. Порой мне приходится довольствоваться чашкой чая утром, и на том спасибо, хотя ожидаешь совсем иного, вы меня понимаете...»

Со стороны жизнь мисс Спеннимур могла показаться тусклой ввиду ее одиночества, но сама она искренне удивилась бы, услышав настолько неверное суждение. Во-первых, неиссякаемым источником интереса для нее выступала жизнь клиенток, а во-вторых, собственная

жизнь не была лишена романтики. В молодости она была театральной костюмершей, пусть и не поднялась в этой профессии выше гримерной хористок, и оглядывалась на тот отрезок своей жизни с удовольствием и гордостью, а альбом с выцветшими фотографиями забытых красавиц служил ей неиссякаемым утешением.

Чулки у Бьюлы мисс Спеннимур приняла с привычным добродушием, так как, подобно миссис Хаддингтон, пришла бы в ужас от одной мысли о безделье.

– Это никуда не годилось бы, – сказала она. – Она платит мне по часам и справедливо ожидает, что, находясь здесь, я буду работать. Вам повезло, что вы застали меня нынче утром, мисс Бертли, я уже собиралась собрать вещи и отправиться к заказчице в Хемпстед. Ну и дыра на носке этого прекрасного чулка! В нее картофелина пролезет! Жаль, чулок-то совсем новый. Заштопанный чулок новым уже не назовешь. Отложу-ка я его до следующей недели, а то мисс Синтия вот-вот явится. Не хотелось бы оставить в чулке иглу, а пришлось бы, нехорошо заставляя мисс Синтию ждать. То-то она удивилась бы, если бы я предложила ей такое, хотя мне это и в голову бы не пришло. Лучше займусь вот этой дырочкой на пятке. Что за работу для мисс Синтии приготовила мне мисс Хаддингтон?

– Непохоже, что ее будет много. На спине присланного от «Андре» платья, которое она собралась надеть сегодня вечером, обнаружилась складка.

– Нехорошо! – покачала мисс Спеннимур седой головой. – Такая уважаемая фирма! Как ей теперь доверять? Не пойму, куда катится мир после войны: никто уже не дорожит репутацией, лишь бы денежки платили! А сколько дерут! Вечером будет большой прием?

– Все как обычно, – ответила Бьюла, присев на краешек стола и закурив. – Вам я не предлагаю, правильно?

– Нет, милочка, благодарю. Как-то не втянулась. Это не предрассудок, я женщина широких взглядов, но мой бедный старый папаша выгнал бы меня из дому, увидев, что я курю. Папаша был на сей счет очень строг. Попробуй только рассказать при нем то, что сейчас зовется рискованной историей! А как он отнесся к появлению коротких юбок – вы не поверите... Да, добрый был человек, правда, выпивал. Вообще-то мамаше с ним досталось: в день получки ей приходилось искать отца по пабам, а когда она его находила, он отказывался идти домой. Я всегда повторяю: все люди разные. Отец был уважаемым человеком, потому что придерживался принципов. Что у вас сегодня, танцы?

– Нет, просто бридж.

– Честно говоря, никогда не играла в бридж, а вот вист... Будет много знаменитостей? – с надеждой осведомилась мисс Спеннимур.

– Не без них, – ответила Бьюла, зная, что маленькая портниха величает так любого носителя титула. Решив, что та ждет продолжения, она спросила: – Знаете леди Флоддан?

Мисс Спеннимур покачала головой:

– Никогда не видела этого имени в газетах, милочка.

Бьюла, огорчившись, что не смогла порадовать ее, предприняла еще одну попытку:

– Как насчет сэра Родерика Уикерстоуна?

– Да! – просияла мисс Спеннимур. – Он был на скачках – сейчас не припомню, на каких именно, с маркизом Четундом и с леди Кэролайн Рамсбери. Стоял и курил сигару.

– Это на него похоже. Леди Нест Паултон?

– До чего хороша была! – Мисс Спеннимур вздохнула. – Когда-то о ней писали все газеты. Помню ее дебютанткой сезона – еще до того, как она стала лидером молодежи, конечно. Красавица, а какие наряды! Замуж она выходила в платье с золотым шитьем, наделавшем шуму, тогда такое было в новинку. Кто еще?

– Больше никого. Разве что лорд Гизборо.

– Думаю, без него не обойдется. Слышала, он неровно дышит к мисс Синтии, хотя его знаменитостью не назовешь, вы меня понимаете... Видите ли, я знала его мать – о, как же хорошо я ее знала!

Бьюла внимала этим откровениям далеко не в первый раз, поэтому лишь сказала:

– Неужели?

– Первый класс! – Это пояснение отдавало загадочностью. – Само бесстрашие! Вы не поверите... До самой смерти не забуду тот вечер, когда она отправилась на прием почти без денег, не считая платы за такси (она и двух пенсов сберечь не могла), зато в таком платье, словно ее пригласили к самому великому герцогу! Как же называлось то представление? Потом вспомню. Мне не поздоровилось бы, если бы все выплыло наружу, хотя я ведать ни о чем не ведала, она взяла его, когда я отвернулась – ну, об этом вы и сами догадались. Другие девушки смеялись над ней за дружбу с Хилари Гизборо. Хилари! Я сама не могла удержаться от смеха: ну, что за имя! Самое забавное, в ней никак нельзя было заподозрить такую нежность. Но недаром говорят: хорошо смеется тот, кто смеется последним. Он взял и женился на ней! Никто и помыслить не мог, что этим закончится, но он заявил, что не допустит, чтобы его детей называли незаконнорожденными. Это доказывает, что он настоящий джентльмен. Правда, ей это принесло мало пользы, ведь Хилари умудрился подхватить пневмонию и умереть, когда ее близнецам только исполнилось шесть лет. От него и при жизни было мало проку, несмотря на титулованную родню, но полбуханки все же лучше, чем полная голодуха, когда больше не на что надеяться. Так она и осталась с двумя детьми на руках и с кучей неоплаченных счетов. Но все равно не унывала и продолжала ценить хорошую шутку. Иногда я думаю: то-то она хохотала бы, узнав, что ее Ланс приобрел титул!

Она сама хихикнула, но мигом посерьезнела, поскольку в комнату вошла миссис Хаддингтон. При виде секретаря приподняла брови:

– Вот вы где!

– Я вам нужна, миссис Хаддингтон? – спросила Бьюла.

– Будьте добры, спуститесь вниз и проследите, чтобы маркеры были наготове, а карандаши заточены. А вы, мисс Спеннимур, ступайте в комнату моей дочери. Я полагала, что у вас обеих найдется занятие получше, чем сидеть и болтать здесь!

– Конечно, миссис Хаддингтон, – пискнула мисс Спеннимур. – Только виновата я сама, а не мисс Бертли: я отвлекла ее рассказом о своем знакомстве с бедной матушкой лорда Гизборо. Слово за слово, и...

– Мать лорда Гизборо? – насторожилась миссис Хаддингтон. – Вот оно что!

Ледяной тон, которым были произнесены эти слова, повергли маленькую портниху в смятение. Она спрятала наперсток и ножницы в сумочку, встала и произнесла:

– Я готова, миссис Хаддингтон.

– Тогда спускайтесь.

Глава 5

В восемь часов вечера, взбодрившись таблеткой аспирина, проглоченной после поспешного возвращения к себе в Ирлз-Корт, Бьюла, наряженная в свое единственное вечернее платье, присоединилась к маленькому обществу, собравшемуся в гостиной. Первоначально на ужин приглашен был один Дэн Сэтон-Кэрю, но Синтия, встретив за ланчем лорда Гизборо и Харта, проявила гостеприимство и упростила обоих отужинать на Чарлз-стрит до прихода остальных игроков в бридж. Поскольку Беатрис Гизборо, делившая с братом квартиру-студию, при этом не присутствовала, приглашение не обязательно должно было распространяться и на нее. Лорд Гизборо отметал все светские условности и вообще заботился только о собственном удобстве, поэтому сразу принял приглашение, предоставив Беатрис явиться на бридж без сопровождения.

Миссис Хаддингтон, узнавшая об этом изменении планов ближе к вечеру, уже была готова напустить на обожаемую дочь и дошла до того, что обвинила ее в необдуманных действиях. Тех же обвинений заслуживал и повар, чьему немедленному исчезновению с орбиты злости миссис Хаддингтон препятствовало разве что соображение, что при должном умении он сможет использовать данный инцидент как повод истребовать прибавки к своему и без того приличному жалованью.

– Радость моя, Синтия, ладно еще, если бы ты пригласила кого-то одного, – сказала миссис Хаддингтон. – Но теперь мы получим множество гостей!

– О чем ты, мамочка? Когда число наших гостей было мало?

– Что ты такое говоришь? Дэна я не считаю полноценным гостем. Теперь придется позвать на ужин эту Бертли.

Затем она вспомнила, что библиотека, где Бьюла обычно ела поданную на подносе еду, выметена, украшена и уставлена карточными столами. Мысль, что слуг возмутил даже намек на то, чтобы дважды за вечер подавать ужин, улучшила ей настроение. Бьюла приняла приглашение отужинать вместе с хозяйкой без воодушевления. Поглядывая на себя в зеркало в двери своего гардероба, она помрачнела. Скромное вечернее платье было куплено в отделе недорогих вещей одного из лондонских универмагов, популярного благодаря именно сходным ценам, а не качеству товара, надевалось слишком часто. Даже чудесный старинный кулон, доставшийся от матери-итальянки, не смог облагородить его. Трещину на атласной туфельке удалось замаскировать тушью; но густые каштановые локоны, убранные с широкого невысокого лба, можно было бы уложить лучше. «Какая разница?» – успокоила Бьюла свое хмурающееся отражение и провела щеткой по волосам.

Она уже позволила себе излишество: приехала с Неверн-плейс на Чарлз-стрит на такси да еще вышла из него в тот момент, когда Сэтон-Кэрю собирался нажать кнопку звонка. Он дождался, чтобы она подошла, и спросил наполовину ласково, наполовину шутливо – тоном, предназначавшимся у него для хорошеньких молодых женщин:

– Как поживает моя маленькая протеже?

– Благодарю, все хорошо. Вы очень меня обяжете, если перестанете так меня называть!

Сэтон-Кэрю со смехом сжал ее руку чуть повыше локтя:

– Дикое дитя! Дикое и неблагодарное. Кто добыл вам это место, хотелось бы мне знать?

И что я получил в благодарность? Извольте отвечать, несносное юное создание!

– Если бы вы порекомендовали меня миссис Хаддингтон, не сообщая ей подробностей моей прежней карьеры, я была бы вам признательна и даже позволяла бы такие неприличные прикосновения! – И Бьюла сердито сбросила его руку.

Он усмехнулся и игриво взял ее за подбородок:

– Лилия вас этим укоряет? Как ей не стыдно! Но не мог же я навязать ей вас, утаив худшее?

Бьюла, искавшая в сумочке ключ, вспомнила, что забыла его в другой сумке, для покупок, и нажала кнопку звонка.

– Я сказала вам правду, и вы сделали вид, будто поверили мне.

– Именно что поверил! Это одно из правил игры, милая глупышка.

– Значит, поверили... – Бьюла густо покраснела. – Теперь-то я знаю, что в противном случае вы бы нашли мне иное применение. Увидели, что я совсем не та, кого вы ищете, но решили, что можете предложить вашей давней знакомой рабыню, которая не сбежит от нее при первой же грубости, для чего всего-то и нужно, что ознакомить ее с моей подноготной.

– Бедная дикарка! За это вы меня возненавидели?

– Не сильнее, чем ненавижу тараканов!

Фримби открыл дверь, и Сэтон-Кэрю с нарочитой учтивостью пропустил Бьюлу в дом первой. Провожая ее насмешливым взглядом, он промолвил, отдавая Фримби шляпу:

– Как вы поступаете с тараканами, милая? Наступаете на них?

– Если получится.

– Какая жестокая девчонка! Боюсь, у вас ничего не получится.

Подойдя к лестнице, она оглянулась.

– Напрасно вы так уверены, мистер Сэтон-Кэрю. Не только жестокая, но и решительная.

– Ваше пальто, сэр? – подал голос Фримби, исчерпывающе выразив тоном свое отношение к этой перепалке.

Бьюла не спешила входить в гостиную и сделала это в последний момент, уже после явившихся по отдельности лорда Гизборо и Харта. Ее хозяйке очень шел черный бархат, бриллианты и большой веер из черного шелка на пластинах из слоновой кости. Все это было подражанием одной высокоуважаемой герцогине и плагиатом, узанным и оцененным Хартом. Он поймал взгляд вошедшей Бьюлы и чуть заметно кивнул, указывая на веер и перчатки. Для Бьюлы, не знавшей о двух лишних гостях, появление Харта стало приятной неожиданностью. Угрюмое выражение ее лица сменилось невольной улыбкой и легким румянцем. Радость не прошла незамеченной для хозяйки, наблюдавшей за ними. Впрочем, миссис Хаддингтон не позволила бы себе такого грубого промаха, как прилюдная невежливость с секретарем. Вместо этого она произнесла с механической улыбкой:

– Вот и вы, мисс Бертли! Вы ведь знакомы с моим секретарем, Ланс?

Свежеиспеченный аристократ сидел рядом с Синтией на диване и разглагольствовал о высокой принципиальности, кипящей в любой русской душе. Услышав эти слова, он повернул голову и вялым жестом поздоровался.

– Мисс Бертли, вы уже встречали мисс Хартли, – продолжила миссис Хаддингтон.

– Как поживаете? Что вам налить? – спросил Тимоти и, пожав руку своей тайной невесте, шагнул к столику, уставленному подносами.

Бьюла ответила, что ничего не хочет, и миссис Хаддингтон, решив, что неэкономно расходовать на секретаря вдобавок к еде еще и спиртное, небрежно промолвила:

– Боюсь, вам ее не переубедить, мистер Харт. Мисс Бертли не пьет.

– Образцовая личность! – вскинулся уже начавший подремывать Сэтон-Кэрю.

– Ужин подан, мадам! – доложил из дверей Фримби.

В глубине столовой был собран буфет, а укороченный стол из красного дерева стоял теперь ближе к входу. Миссис Хаддингтон, изящно извинившись за этот «пикник», попросила лорда Гизборо занять место во главе стола, сама же села напротив него, усадив справа от себя Тимоти, а слева – Сэтона-Кэрю. Своей дочери она указала на стул между его светлостью и Хартом. Таким образом, место рядом с Сэтоном-Кэрю досталось Бьюле. Поскольку лорд Гиз-

боро обращался к одной Синтии, а Тимоти, жертва хорошего воспитания, принялся из вежливости развлекать хозяйку дома, Бьюле пришлось вести светскую беседу с навязанным соседом.

Тот не лез за словом в карман. Это был отлично сохранившийся, даже моложавый мужчина средних лет. Он был красив, хотя немного красен лицом, и обладал магнетизмом. Своими манерами – приятной смесью высокомерной веселости и лести – он привлекал женщин определенного пошиба и молодых людей, еще не добившихся карьерными успехами внимания сверстников и старшего поколения. Обитал в квартире с гостиничным обслуживанием на Джермин-стрит. Его положение в доме миссис Хаддингтон оставалось загадкой. Предполагалось, что прежде они были близки, но это осталось в прошлом. Мисс Мапперли удачно выражалась на сей счет: «Все думают одинаково, когда женщина просит мужчину принести что-то из ее спальни». И добавляла: «Но не стоит надеяться, что он по-прежнему к ней небезразличен: он нацелился на ее драгоценную Синтию, это любому ясно. Отвратительно».

Лорд Гизборо, уже оставивший пустыми створки от полудюжины устриц, теперь гневно клеймил капитализм, отказывающийся кормить устрицами широкие массы. Он давно решил, что Сэтон-Кэрю – паразит, который в прежние времена погиб бы от ножа гильотины, и почти игнорировал его, соизволяя лишь изредка ошпаривать его взглядом и возражать ему. Это Дэна Сэтона-Кэрю ничуть не волновало, наоборот, забавляло. Обедневшие пары были ему малоинтересны. Ни для кого не являлось тайной, что покойный лорд Гизборо распорядился после смерти последнего сына распределить все его неотчуждаемое имущество между дочерью и любимым племянником Кенелмом. Для чего было завоевывать симпатию такого наследника? Лорд Гизборо был костлявым молодым человеком с запавшими глазами и щеками, вот уже несколько лет работавшим в издательстве левого толка. Он был небесталанен, но неустойчив. Проницательный старший коллега однажды сказал о нем, что он слишком быстро вертится на вертеле. Гизборо мог поддерживать умный разговор лишь до тех пор, пока речь не заходила о Кремле. Малейший намек на Советскую Россию действовал на его мозги, как сильнейший наркотик, убивавший критические способности и оставлявший только фанатичность, с какой он клеймил как капиталистическую пропаганду любое упоминание о неблагоприятных действиях того или иного азиатского народа, попадавшего в луч прожектора. В войне он почти не участвовал, потому что был ее принципиальным противником. Позднее, когда из-за вынужденного вступления России в войну Гизборо пришлось поменять свою позицию, взять оружие в руки ему помешала чрезвычайно важная деятельность на ниве образования. Она сводилась к лекциям, которые он читал мастерски, будучи выпускником Лондонской школы экономики.

В целом Гизборо не мог похвастаться популярностью у слабой половины человечества, а она вопреки всем попыткам просвещения продолжала следовать инстинктам и упорно отдавала предпочтение настоящим сильным мужчинам, желающим защищать своих близких. Женщины, в военные годы работавшие спасательницами под бомбежками, при взгляде на него кривились, чуя труса. Харт, обладатель изящного кожаного футляра с маленькими медалями, проявлял больше терпимости. По его словам, от поведения лорда Гизборо в войну не следовало воротить нос, правильное было постараться разнюхать в нем особого рода интелектуализм и не держать на его светлость зла за неспособность встать плечом к плечу с остальными соотечественниками в час испытаний. При этом прозвучавшие замечания насчет устриц были, по мнению Харта, невежливыми по отношению к хозяйке дома и заслуживали наказания. С проносом, который провинившийся не мог не признать оксфордским, Харт добавил, что массы вряд ли одобрили бы включение в свой рацион двустворчатых моллюсков.

– Когда устриц было изобилие, – любезно объяснил он, – в договоры с подмастерьями включался пункт, что они станут получать строго ограниченное их количество раз в неделю. Вряд ли из этого следует, что устрицы были очень популярны.

Будучи не в силах опровергнуть эти малоизвестные сведения, его светлость промолчал. Успешно поставив его на место, Тимоти продолжил:

– Удивительно, как разная еда входит в моду. Мать рассказывает, что в ее детстве высоко ценимые нами ныне гребешки считались дешевыми и вульгарными, и их не включали в приличное меню.

– Я имела удовольствие видеть вашу матушку на приеме у Мэри Питерсфилд, – сказала миссис Хаддингтон. – Хотелось познакомиться с ней получше: она очень интересная женщина. Я в восторге от ее книги с описанием приключений на границе Конго!

Тимоти, вместе со своим единоутробным братом уверенный в том, что Провидение устроило Вторую мировую войну с целью положить конец очаровательной, но мучительной родительской страсти исследовать затерянные уголки мира, отвесил поклон и пробормотал одну из тех формул благодарности, которые берут на вооружение наиболее дальновидные писательские родичи.

– Норма Харт – ваша мать? – резко спросил Гизборо. – Каюсь, ее книг я не читал, но о ней самой слышал. Она – знаток Экваториальной Африки? Каково ее отношение к проблеме туземцев? Или она к ней равнодушна?

Тимоти, тоже не читавший материнских книг, не собирался втягиваться в долгую дискуссию.

– Отнюдь, она мыслит чрезвычайно здраво, – промолвил он. – Если вы замышляете сафари, то самое правильное – проконсультироваться с ней. Она расскажет, из каких племен вербовать лучших носильщиков, чего ждать от вождей и в чем главный подвох: в заблуждении, будто бои обращены в христианство, в попытках боев болтать с вами по-английски или все-таки в их манере сидеть в ваших креслах.

– Я говорю не об этом! – Гизборо покраснел. – Я имел в виду... Впрочем, для леди Харт это, вероятно, не представляет интереса.

– Довольно с нас Африки и туземцев! – воскликнула Синтия. – По-моему, это скучно!

Миссис Хаддингтон, хоть и испытывая облегчение от ее вмешательства, осуждающе уставилась на дочь. Синтия была раздражена, ничего не желала есть, теребила столовые приборы и даже не пыталась вести себя вежливо с гостями матери.

– Устали, милая? – осведомился Сэтон-Кэрю, улыбаясь ей через стол. – Наверное, как всегда, после завтрака ни разу не присели?

– К сожалению, – ответила миссис Хаддингтон. – Придется отключить телефон. Трезвонит с утра до ночи, и каждый раз спрашивают мою легкомысленную дочь, ведь так, мисс Бертли?

– Да, – послушно поддакнула Бьюла.

– Это же ложь, мамочка! – усмехнулась Синтия, обиженно дернув плечиком.

– Между прочим, – подхватил Сэтон-Кэрю, чья прыть была одобрена даже Хартом, – я сам весь день проклинаю телефон. Ждал важного звонка, а его все нет и нет. Я позвонил на станцию и попросил перенаправлять все звонки мне на ваш номер, Лилия. Знал, что вы не станете возражать.

Он ошибся. Как ни признательна была ему миссис Хаддингтон за успешное ретуширование грубости ее дочери, ее не обрадовала перспектива прерывания партии в бридж телефонным звонком. Ее ответ, безусловно учтивый, был настолько лишен сердечности, что наэлектризованность атмосферы стала заметна даже лорду Гизборо. Правда, Тимоти решил спросить Синтию, смотрела ли она последний гангстерский кинофильм, действие которого разворачивается в театре «Орфеум», и это подняло ей настроение и положило начало оживленному спору о кино. В дальнейшем ужин был уже избавлен от неприятных моментов. Наконец миссис Хаддингтон встала из-за стола, игриво извинилась перед мужчинами, что отводит им на портвейн всего десять минут, и пригласила к себе в будуар на кофе. Затем она вышла, и пока Синтия, удалившись в спальню, снова пудрила лицо и придавала дополнительный изгиб своей и без того красиво изогнутой верхней губке, напомнила Бьюле о ее многочисленных обязанностях

в продолжение вечера. Послушный Сэтон-Кэрю отвел гостей в будуар, после чего Фримби, предоставив двоим своим забежавшимся подчиненным труд по выносу остатков ужина и превращения столовой в буфет с освежающими напитками, отправился наверх с кофейным подносом. Когда он уже уходил, появилась Синтия, и Сэтон-Кэрю чуть не расплескал кофе. Схватив его за руку, она затараторила:

– Дорогой Дэн, мне надо сказать вам нечто важное! Идемте в гостиную!

– Не сейчас, моя милая, – твердо заявила миссис Хаддингтон. – С Дэном сможешь поговорить и позднее.

– Мама, ты не понимаешь! Мне надо сообщить ему кое-что именно сейчас!

– Не забывайся, моя дорогая! Ты должна остаться и развлекать Ланса и мистера Харта. К тому же пообщаться с Дэном нужно мне самой.

– Потом посплетничаем, Синни, – улыбнулся Сэтон-Кэрю.

Синтия надула губки и собралась протестовать, но не успела вымолвить даже слова: ее раздраженная мамаша потащила Сэтона-Кэрю в библиотеку, чтобы, как она объяснила, обсудить с ним мелкие детали предстоящего карточного состязания.

– До чего же противные люди! – поморщилась Синтия. – Где мой кофе? Благодарю, Тимоти, вы ангел! Вы налили его для меня?

Затем она, как притянутая магнитом, заскользила в угол комнаты к радиоприемнику и, включив его, занялась настройкой. Лорд Гизборо направился к ней, а Тимоти, воспользовавшись возможностью, тихонько сказал Бьюле:

– До чего весело! Выдался тяжелый день? На тебе лица нет.

– Где твоя вежливость? Я ожидала иного от обольстительного мистера Харта, обладателя образцовых манер!

– То ли еще будет!

Благоговейный голос диктора предупредил, что сейчас по третьей программе прозвучит произведение Моцарта. «Это малоизвестное произведение, – продолжил он, растягивая слова, словно обращаясь к умственно отсталым, – Моцарт сочинил в восемнадцать лет. Первоначально оно...»

– Господи! – И Синтия стала искать в эфире что-нибудь другое.

Ее действия не вызвали возражений.

– Все верно, – заметил Тимоти. – Часто удовольствие от концерта идет насмарку из-за покровительственного голоса, сообщающего кучу фактов, которые я сам раскопал бы, возникни у меня желание.

– Радиопрограммы предназначены не для горстки привилегированных слушателей, имеющих возможности и досуг, чтобы достигнуть вашего уровня культуры, – воинственно заявил Гизборо.

– Радиопрограммы вообще не предназначены для культурных людей, – возразил Тимоти. – Часто они бывают нацелены либо на совсем безмозглых, либо на тех, кто намерен без малейших усилий приобрести кое-какие знания. Помню пятнадцатиминутный рассказ про битву при Ватерлоо. Весьма нравоучительно!

– Все лучше, чем непрерывное унылое прославление Маленького Человека, – сказала Бьюла.

– Полагаю, – презрительно промолвил Гизборо, – вы из тех, кто воображает, будто историю творит так называемый Великий Человек?

– Да, я из них, – кивнула она.

– О, небо! Женщине не пристало так говорить! – поразился Тимоти. – В следующий раз вы объявите, что соревноваться в беге могут лишь быстроногие!

Гизборо покраснел от раздражения, но его ответ утонул в какофонии звуков, извлеченных из приемника Синтией, не оставлявшей попыток настроиться на приемлемую программу.

Пока она это делала, разговор был невозможен, а когда, отчаявшись, выключила приемник, в комнату уже вернулась миссис Хаддингтон с сообщением о приходе первого гостя. Она тоже покраснела, что наводило на мысль: ее беседа с Дэном Сэтоном-Кэрю получилась не вполне удачной. Губы были сжаты, ноздри, наоборот, раздувались. Прошло время, прежде чем хозяйка сумела снова натянуть на лицо светскую улыбку. Она повела гостей наверх, в гостиную, не слишком вежливо приказав Бьюле проследить, чтобы из будуара убрали чашки из-под кофе, и ушла встречать Сидни Баттеруика.

Глава 6

Пока у Баттеруика забирали шляпу и пальто, вели его вверх по лестнице, где появление гостя караулил Фримби, чтобы провозгласить его имя, пришли другие. Миссис Хаддингтон заняла позицию в двери, ведущей в переднюю половину гостиной. Ввиду L-образной формы комнаты это помещение было обращено к лестнице и располагалось под прямым углом к двери, открывавшейся в заднюю половину. В гостиной картежников ждали восемь карточных столов, еще три установили в библиотеке на первом этаже.

Сидни Баттеруик был симпатичным молодым человеком со светлыми кудрями, чувственным ртом и астматическим телосложением, рано перечеркнувшим намерение достичь высот в спорте, а позже сделавшим его непригодным для воинской службы. Мало кто знал, как глубоко в нем засела червоточина разочарования. Большинство знакомых считали Сидни счастливым сыном богача, которого ждет процветающий бизнес. Но он, понявший, что чемпионом ему не стать и кубков не завоевывать, не смог смириться с игрой в регби и в сквош ради простого удовольствия и покинул спорт. Еще в школе прибил к сомнительной компании, затем связался с еще более опасными, при его неуравновешенности, юнцами. К совершеннолетию Сидни забыл о прежних здоровых устремлениях и вдохновился сюрреализмом, балетом, автогонками и прочими экзотическим увеселениями, не доступными для его сверстников с ограниченными средствами. Он был нервным, вспыльчивым, легко поддавался влияниям, был избалован родителями и обстоятельствами, а главное, болезненно стеснялся. На лесть реагировал, как робкая девушка, зато без труда придумывал пренебрежение к себе и мгновенно переходил от крайней приязни к оскорбленной ненависти. В детстве Баттеруик наслаждался тем, что являлся для своей матери пупом земли, и так и не перерос желание быть всегда облаканным, вызывать лишь восхищение. Поэтому он сторонился девушек, с которыми ему пришлось бы заводить отношения, противные его характеру, и лучше всего чувствовал себя в обществе пожилых женщин, относившихся к нему по-матерински, или таких мужчин, как Дэн Сэтон-Кэрю.

В том, как с ним обращалась миссис Хаддингтон, не было ни капли материнского чувства. У нее для него нашлись разве что холодная улыбка и рукопожатие, ее взгляд, не удостоив его вниманием, сразу переместился на дородную фигуру отъявленного спортсмена и известного бонвивана сэра Родерика Уикерстоуна, тяжело поднимавшегося по лестнице следом за ним. Сидни ошибочно принял безразличие хозяйки дома за неприязнь, обиделся и почувствовал себя неуютно. Сам он ни в грош не ставил миссис Хаддингтон и не стремился быть приглашенным в ее дом, но это ничего не значило: если его не одобряли, Сидни не мог испытывать удовлетворения. Он немного помялся рядом с ней, теребя свой галстук и воображая, будто быстрые голубые глаза сэра Родерика смотрят на него враждебно, а потом удалился и примкнул к Тимоти и Гизборо, стоявшим у камина.

Гизборо, никогда не скрывавший своих чувств, отреагировал на его приветствие неохотным кивком; зато более вежливый и уравновешенный Тимоти, сообразив, что Сидни хочет закурить, протянул ему свой портсигар. Сидни моментально успокоился. Правда, протягивая руку за сигаретой, увидел, как в дальнем углу комнаты беседуют Дэн Сэтон-Кэрю и Синтия.

Последняя, не отказавшаяся от намерения пошептаться с Сэтоном-Кэрю, чем-то делилась с ним, припав губами к самому его уху. От избытка чувств она даже взяла его за лацкан пиджака. Настроение Дэна можно было описать как отеческое и сочувственное. Он успокоительно гладил Синтию по золотистой головке и произносил слова, призванные урезонить не в меру разволновавшееся дитя. Сидни издал недовольное восклицание и заторопился к ним.

– Дэн! – громко позвал он.

– Точь-в-точь педик! – высказался лорд Гизборо, оставшись вдвоем с Хартом.

– Дэн! – повторил Сидни. – Не знал, что вы окажетесь здесь. Я весь день пытался дозвониться до вас. – Ревниво покосившись на Синтию, он сказал ей: «Как поживаете?» – и продолжил: – Пять раз вам звонил, но ваш слуга повторял, что вас нет дома.

Сэтон-Кэрю давно устал от требовательности своего молодого друга, к тому же терпеть не мог, когда ему мешали беседовать.

– Это я научил его так отвечать, – отрезал он. – В чем, собственно, дело, черт возьми?

Сидни вспыхнул и пробормотал:

– Мы уже несколько дней не виделись! Я боялся, что вы заболели...

– Как видите, нет. Ради бога, перестаньте вмешиваться в разговоры, в которых вам, как вы сами видите, нет места!

Кровь отхлынула от лица Сидни, из пунцового оно сделалось белым как снег.

– Да, вижу, – ответил он дрожащим голосом. – Вот, значит, как? Когда рядом Синтия, я вам ни к чему!

– Замолчите! – не выдержал Сэтон-Кэрю. – Довольно с меня ваших сцен! Ведите себя благоразумно или проваливайтесь! Я сыт по горло тем, как вы себя выпячиваете!

– Хотите сказать, я вам надоел?

– Представьте, именно так!

Синтия нервно хихикнула и покосилась на переднюю гостиную.

– Я вас умоляю, – прошептала она. – У мамы будет припадок!

Казалось, будто Сидни способен, забывшись, ударить Сэтона-Кэрю. Он стоял весь белый, сверкая глазами и сжимая кулаки. Грудь у него вздымалась, как от сдерживаемых рыданий. Он уже начал что-то говорить дрожащим, еле слышным голосом, но его перебили.

– Синтия, сокровище! Чудесно выглядите! О, Дэн! Очаровательно!

Леди Нест Паултон, худенькая, с изможденным лицом в форме сердечка и с огромными глазами, приблизилась к застывшей троице, как колыхающееся облачко, и Сидни, опомнившись, отвернулся, чтобы не опозориться еще и перед ней.

– Чудесное платье! Ужасный молодой человек... – пробормотала она. – Вы ведь знакомы с Годфри? Разумеется, знакомы. – Немного поколебавшись, леди Паултон добавила: – Мистер Сэтон-Кэрю, Годфри. Вы встречались раньше.

Ее муж, приземистый джентльмен с бесстрастной квадратной физиономией, чуть заметно поклонился и отвернулся, чтобы пообщаться с Синтией. На лице леди Нест осталась жалкая улыбка. Сначала она нервничала, переводя взгляд с него на Сэтона-Кэрю и обратно, потом беспричинно хохотнула и упорхнула, чтобы излишне восторженно поприветствовать рыжеволосую особу в атласном платье.

Сидни Баттеруик, шархнувшийся в сторону, как мустанг, получивший плетью, испугал сразу нескольких человек на своем пути видом, который потом описывали как обезумевший. Он вроде метил в дверь, но, к счастью для успеха предстоящего бриджа, случайно увидел знакомого балетомана, радостно его окликнувшего:

– Сидни! Я видел вас вчера вечером. Как ваше мнение? Станет она примой? Вы сосчитали ее фуэте? Хотя, по мне, ей лучше всего удался падекатр.

Эти слова остановили Сидни на бегу. Он отреагировал на них автоматически, а далее последовала вдохновенная дискуссия о балеринах и балерунах, и он пришел в себя. Вытаращенные глаза и дрожащие пальцы свидетельствовали о потрясении, но, после того как пребывающий в экстазе знакомый удалился в обществе пожилого дипломата, помнившего звезд Мариинского театра, он, по крайней мере, осознал, что просто так удрать было бы неприлично, поэтому смиренно направился к сэру Родерику Уикерстоуну с намерением узнать, кто будет его партнером по игре.

Сэр Родерик и доктор Теодор Уэструтер, согласившиеся на роли счетчика очков и распорядителя игры, пребывали в состоянии нервной прострации. Им стоило огромного труда

убедить толпу болтающих гостей отложить обмен мнениями и занять места за столами. Когда двенадцать человек удалось наконец вырвать из толпы и направить вниз, в библиотеку, а оставшихся в гостиной развести по столам, прошло еще некоторое время, прежде чем началась игра. Завзятые игроки, кому не терпелось проверить свои карты, тщетно напоминали остальным, что причина собрания – бридж, а не болтовня. Гул голосов делал игру невозможной, потому что препятствия не исчерпывались анекдотами. Хуже их рассказчиков были те, кто, искренне желая играть, умолял напомнить им правила, а также несколько взволнованных персонажей, никогда раньше не игравших в бридж-дулет и нуждавшихся в полном объяснении. Две перепуганные дамы грозным шепотом предупреждали своих партнеров, что играть в туре без козырей не смогут. Определилась и небольшая группа фанатиков, заполнявших время до начала игры воспоминаниями о проявленной ими прежде карточной сноровке и выигрышах.

Тем не менее объединенные усилия обоих терпеливых счетчиков, мисс Хаддингтон и мисс Бертли сделали свое дело, и воцарилась тишина. Тимоти, оказавшийся партнером Синтии, смирился с мыслью, что вечер не сулит ему ничего хорошего, поскольку за несколько минут убедился, что она играет, не думая о его картах. Играла она не сказать чтобы плохо, к тому же светское образование включало целый курс салонных карточных игр и знакомство с большинством правил. Но ей мешал сильный азарт в паре с неспособностью надолго сосредоточиться. В результате Синтия не обращала внимания на сносы партнера и часто забывала, что на руках у противников осталась та или иная важная карта.

Тимоти, сначала сидевший «болваном», пока она сражалась за контракты, имел время осмотреть помещение и изучить собравшихся. Приглашенные в большинстве выглядели безвредными представителями полусвета. Впрочем, леди Нест Паултон, сэр Родерик Уикерстоун, Кенелм Гизборо с супругой с рождения принадлежали к завидному и недоступному для остальных миру. Находились здесь и такие – их олицетворял Сэтон-Кэрю, – кого было трудно отнести к какой-либо определенной категории.

Кенелм Гизборо с супругой сидели за столом, соседним с Тимоти, и в первой партии играли против лорда Гизборо и миссис Криддон, обвешанной бриллиантами матроны, сосредоточенно морщившей лицо. Вероятно, миссис Хаддингтон решила, что чем скорее кузены встретятся и разойдутся, тем лучше. Пока над их столиками веяла атмосфера опасной сдержанности. Трудно было представить двух более непохожих людей, чем двоюродные братья. Лорд Гизборо – в мятой рубашке, в съехавшем набок галстук, с упавшей на один глаз непослушной прядью – сутулился на стуле. Сказав партнерше, что она может заявить любую конвенцию, какую захочет, потому что он обладает некоей собственной таинственной системой, Гизборо играл небрежно, со скучающим видом, и почти каждый мужчина в комнате боролся с побуждением пнуть его ногой. Кенелм, отпрыск молодой семейной ветви, был старше кузена на несколько лет. Он напоминал королевского гвардейца и мог бы неплохо зарабатывать натурщиком для художников, рисующих воплощения напыщенности. Лицо было круглое и румяное, с щеточкой усов, глаза немного навывкате. Когда знатный родич его раздражал, он багровел, усы начинали топорщиться, и казалось, он вот-вот лопнет. Его жена Ирен была бескровной блондинкой, разговаривала обычно жалобным тоном и не жалела критики для торговли и ходов мужа. Лорда Гизборо она практически не замечала.

Во время первой партии Бьюлы в гостиной не было, но при возвращении карт в коробки и пересаживании пар она вернулась, чтобы очистить пепельницы. В столовой накрывали ужин, но миссис Хаддингтон, зная о пользе освежающих напитков, велела Бьюле не тратить время на расспросы, а просто обносить игроков ими. Ту же самую обязанность могла бы выполнять дочь хозяйки, и Тимоти было неприятно наблюдать, как его возлюбленная обслуживает гостей и все сильнее утомляется. Несколько раз он пытался встретиться с Бьюлой взглядом, но она не желала на него смотреть. Одно обращенное к ней замечание Сэтона-Кэрю заставило ее вспыхнуть и отпрянуть от его стола. Это было предпочтительнее покорного выслуши-

вания фамильярностей дерзкого болтуна, тем не менее удовольствия от вечера это Тимоти не добавило. Он уже злился на собственную цивилизованность, не позволяющую затеять с Сэтоном-Кэрю легкомысленную ссору, а потом уведомить его, что утром к нему явятся секунданты. По тем же самым основаниям Тимоти не мог сполна насладиться обстоятельством, что Сэтону-Кэрю досталась самая недружелюбная из возможных партнерш – мисс Беатрис Гизборо, явно его презиравшая и вслух бранившая его манеру игры. То, что Сэтон-Кэрю предпочел бы играть в паре с Синтией и отчаянно скучал, было слабым утешением. Харт радовался, когда он и мисс Гизборо удалились из комнаты, но уже через четверть часа сам с неохотой последовал за ними за один из карточных столов в библиотеке.

Бьюла видела старания Харта перехватить ее взгляд и то, что он заметил ее короткую стычку с Сэтоном-Кэрю. Она надеялась, что в перерыве на ужин Тимоти не попытается уединиться с ней для разговора, и решила не попадаться на его пути. Бьюла чувствовала, что за ней наблюдает миссис Хаддингтон, чьи реплики в начале вечера не прошли для нее незамеченными.

Она поднималась наверх с виски и содовой для полковника Картмела, когда раздался телефонный звонок, которого ждал Сэтон-Кэрю. После предупреждения о предстоящем звонке она сказала ему, что ответить лучше в гостиной миссис Хаддингтон, поэтому сейчас, поставив серебряный поднос, поспешила туда. Выйдя, Бьюла столкнулась на лестнице с хозяйкой.

– Если звонили мне, то вы, надеюсь, ответили, что сейчас я не могу подойти к телефону? – промолвила миссис Хаддингтон.

– Звонят не вам. Это междугородний звонок, просят мистера Сэтона-Кэрю, – ответила Бьюла.

Хозяйка недовольно поморщилась.

– Совсем забыла! Что ж, ничего не поделаешь. Он в библиотеке. Ступайте и позовите его. Он может поговорить у меня в будуаре.

– Я так ему и сказала. – И Бьюла заторопилась вниз.

– Приглядите там вместо меня минутку-другую! – крикнула ей вслед миссис Хаддингтон, подбирая длинный подол, прежде чем подняться к себе в спальню. – Мне надо припудрить лицо. – Заметив рядом Сидни Баттеруика, она удивленно уставилась на него: – Вот не ждала! Что-нибудь случилось, мистер Баттеруик?

– О, нет, нет! – ответил он с легким заиканием. – Просто решил выпить, за нашим столом все закончилось.

– Разумеется! – отозвалась она с готовностью, которую он нашел еще более гнетущей, чем ее резкость. – Вы же найдете дорогу в столовую?

За столом в передней гостиной, который он покинул, леди Нест проговорила со вздохом:

– Ума не приложу, что побудило его попробовать играть в бридж! Как жестоко было, милая Дженнифер, назначить его вам в пару! У меня просто сердце обливается кровью. Как вы думаете, зачем ему было портить вашу червовую заявку?

– Бог его знает! – ответила мисс Чидл, костлявая женщина, чем-то смахивавшая на лошадицу. – Мне его немного жаль: его что-то мучает.

– Не хочу вас огорчать, Дженни, – произнес Чарлз Эшберн, – но, если верить Рудди, вас надули, всучив паллиатив. Джек Доверидж в последний момент отклонил приглашение Лилии.

– Ну, что ж! – пожала плечами великодушная мисс Чидл. – Кто-то ведь должен был с ним играть!

В этот момент привлекли к себе внимание две почтенные леди за столом посередине комнаты, скандально заспорившие из-за того, что одна из них, по утверждению другой, сделала неверный ход. Существовало незыблемое правило – разводить закадычных подруг за бриджем, поскольку голосу обеих позавидовал бы попугай ара, к тому же обе не имели никакого понятия

о самообладании. Разумеется, в игре такого рода полностью развести их не получилось бы, но, поскольку одна была северянкой, а другая – с запада, почвы для столкновения вроде не предвиделось. Увы, северянка сочла уместным подвергнуть критике игру уроженки запада, что было неразумно, поскольку она и ее партнер уже набрали пятьсот очков. Возникла опасность рукопашной, и миссис Хаддингтон, вернувшись в комнату, убедилась, что игра застопорилась. Проявив недюжинный такт, она быстро утихомирила обеих разошедшихся скандалисток. Ей хватило самообладания, чтобы ни одним движением лицевых мускулов не выдать своего раздражения. Только Бьюла, вошедшая в комнату минутой позднее, заметила, что хозяйка вне себя. Улыбаясь, миссис Хаддингтон сказала ей с ядовитой интонацией:

– Я как будто просила вас проследить за порядком...

Игра возобновилась, но вскоре опять случилась заминка. Объяснение ей дал доктор Уэструтер, отлучившийся из библиотеки с целью сообщить, что игроков задерживает отсутствие Сэтона-Кэрю.

– Его в разгар партии позвали к телефону. Теперь все его ждут.

– Столько времени говорить по телефону? – изумилась миссис Хаддингтон. – Нелепость! Во всяком случае, так нельзя, – уточнила она с небрежным смешком. – Нехорошо и неуважительно с его стороны! Я сделаю ему суровый выговор. Родди, ступайте к нему и напомните, что он всех задерживает. Он в моем будуаре, вы знаете, где это.

– Я мигом выгоню оттуда его, – пообещал сэр Родерик, недолюбливавший болтуна и уже назвавший его в разговоре с Уэструтером грубияном.

Выходя, он столкнулся в дверях с Сидни Баттеруиком и обжег его гневным взглядом, в котором читалось, что слабоумный юнец слишком много себе позволяет.

– Эй, смотрите, куда идете, молодой человек! – проворчал сэр Родерик и стал спускаться по лестнице.

Через минуту он вернулся в гостиную, тяжело дыша. У него возникли трудности с речью, руки сильно дрожали. Все уставились на него. Леди Нест, заметив его бледность, вскочила и крикнула:

– Родди, вам нехорошо?

Стараясь сдержать волнение, он жестом приказал ей не мешать.

– Уэструтер, для вас есть работа. Ступайте вниз! Этот Сэтон-Кэрю...

– В чем дело? – повысила голос миссис Хаддингтон. – Что случилось, Родди? Где Дэн?

Сэр Родерик добрался до стула и плюхнулся на него.

– Мертв! – отрезал он. – Та еще картина! Нет-нет, Лилия, оставайтесь здесь. Это занятие для Уэструтера, а не для вас. Беднягу задушили.

Глава 7

Шум, вторгавшийся в сон старшего инспектора Хемингуэя, в конце концов разбудил его. Он выругался, приподнялся на локте и потянулся к выключателю лампы рядом с кроватью. Через мгновение чей-то голос произнес ему на ухо:

– Старший инспектор Хемингуэй?

Голос был резкий, официальный. Старший инспектор сразу узнал своего начальника и давнего друга, суперинтенданта Хинкли из Управления уголовных расследований.

– Слушаю, сэр, – промолвил он корректным тоном.

– Крепко спали? Значит, совесть чиста. Вас ждет работа.

– Бросьте, Боб! – воскликнул старший инспектор, отбросив официальную манеру. – Если вы решили надо мной подшутить...

Суперинтендант Хинкли усмехнулся:

– Я-то не нежусь в постели! Я на посту. Буду вам благодарен, если вы не станете об этом забывать, друг мой.

Старший инспектор Хемингуэй, высунувший из-под одеяла голые плечи и потому ежившийся от ледяного сквозняка, ответил на эту реплику в таких выражениях, что старшему по званию пришлось призвать его к порядку.

– Вставайте! – скомандовал он. – Появилась работа!

– Глухой ночью? – возмутился Хемингуэй. – Только не рассказывайте мне об очередном поляке, приконченном собственными приятелями, потому что я уже не так молод, как раньше. Если придется встать в такой поздний час, чтобы выслушивать болтовню возбужденных иностранцев, старающихся обмануть меня, то лучше сразу уволиться!

– Ничего похожего. Дельце по вашей душе. Мужчину задушили в доме на Чарлз-стрит. Изысканное место, великолепный интерьер!

– Что вы говорите? Что там произошло? Ограбление с применением насилия?

– Нет, насколько я понял. Собственно, никто не знает, в чем причина. Все, что я могу сказать, – это произошло в разгар бриджа!

– Вот оно что! Не иначе, бедняга пошел с бубны, а партнер ждал тrefы. Ничуть ему не сочувствую!

– Довольно! – прервал его суперинтендант, которого ответ друга навел на неприятные воспоминания. – Будете продолжать, Стэнли, – пеняйте на себя. Вставайте и одевайтесь! Я поручаю это расследование вам.

– А как же отдел «С»? – спросил Хемингуэй, свешивая ноги с кровати и на шаривая под кроватью тапки. – Разве они прекратили ночное дежурство?

– В доме вас ждет инспектор Першор, – предупредил суперинтендант.

– Повезло так повезло! Першор, кто же еще? Полагаю, он мне обо всем сообщит и даже подскажет, если проявлю вежливость. Подождите, Боб, я только закрою чертово окно! – Хемингуэй отложил трубку, поднял раму, закутался в халат и опять присел на край кровати. – Все, теперь выкладывайте! Кто убитый?

– Некто Сэтон-Кэрю.

– О нем что-нибудь известно?

– Ровным счетом ничего, как и обо всех остальных.

Старший инспектор застонал:

– Есть первоначальная версия?

– Дельце как будто нелегкое, хотя... В доме находилось сорок девять человек.

– Что?!

– Считая слуг, пятьдесят пять, – уточнил суперинтендант.

– Полагаю, разделаться с ним мог любой из них. Сдается мне, Боб, у меня начинается грипп, а может, даже скарлатина.

Суперинтендант усмехнулся:

– Не волнуйтесь, не все так плохо. Першор установил, что большинство из них не имеют отношения к преступлению. Не считая слуг, возможность была, похоже, только у семерых.

– Ну, это запросто, Боб!

– Першор докладывает, что дело дополнительно упрощается. Мол, выделяется один подозреваемый – молодой человек по фамилии Баттеруик.

– Раз он так говорит, значит, мне предстоит допросить всего шестерых, не считая слуг, – мрачно отозвался старший инспектор. – А молодого Баттеруика он мог бы уже сейчас отправить домой, на боковую. Похоже, мне следует поторопиться, иначе он навлечет на нас неприятности, цепляясь к невиновным. Приставьте ко мне Сэнди Гранта, хорошо, Боб? Мы с ним недурно сработались, надо только привыкнуть к его дурацкой привычке никогда прямо не отвечать «да» или «нет». По мне, лучше такой помощник – или вообще никакого.

– Я отправлю его туда. Его и сержанта Снеттисхэма.

– Прекрасно! Только не стаскивайте Снеттисхэма с постели в такой час: он женат, к тому же пока он мне не нужен. Главное, я уважаю других людей, даже если некоторые этого уважения лишены.

– Будет вам! Сейчас пришло за вами машину.

– Вы меня балуете. – И Хемингуэй повесил трубку.

Около двух часов ночи полицейская машина затормозила позади двух других. Там же, перед домом миссис Хаддингтон на Чарлз-стрит, стоял зловещий фургон «Скорой помощи». Старший инспектор Хемингуэй и жилистый рыжий инспектор Грант из Управления уголовных расследований вышли из автомобиля. Констебль пропустил их в дом, отдав честь и доложив, что в гостиной их ожидает инспектор Першор. Тот шагнул им навстречу. Это был крупный детина с каменным лицом, полный самомнения, – черта, раздражавшая старшего инспектора. Он чрезвычайно серьезно относился к себе и к своим обязанностям. На неприязнь Хемингуэя открыто отвечал тем же. Чем выше поднимался в управлении Хемингуэй и чем более важные дела ему поручали, тем меньше понимал инспектор Першор логику этого продвижения. Он был не в состоянии поверить, что такой неисправимо легкомысленный следователь, как старший инспектор, может успешно работать. Нередко высказывал несогласие с решениями начальства относительно старшего инспектора и был бы изумлен, если бы узнал о словах, произнесенных однажды заместителем комиссара полиции: «Поручите это Хемингуэю! Он станет пугать своей отставкой, зато наверняка добьется успеха».

– Добрый вечер, старший инспектор, – произнес Першор. – Суперинтендант Хинкли уведомил меня, что направляет вас на место преступления. Полагаю...

– Не подражайте газетным репортерам! – перебил его Хемингуэй. – Он сказал, что пришлет меня, и точка: никто никогда не слышал от него таких напыщенных речей за пределами свидетельской трибуны. – Он положил шляпу на столик под зеркалом в позолоченной раме и снял пальто. Окинув зорким взглядом комнату в зеленовато-желтых тонах, удовлетворенно кивнул: – Очень стильно! Куда пойти, чтобы нам не мешали?

– Я обосновался в гостиной, старший инспектор. Персонал еще не убрал прохладительные напитки, оставшиеся от собравшегося здесь раньше общества...

– Правильный выбор! – одобрил Хемингуэй, входя в столовую и грея руки у электрического радиатора. – Наверное, надо освежиться. Так что стряслось, Першор?

Инспектор торжественно откашлялся, открыл свой толстый блокнот и начал:

– Я назвал бы это дело ясным. На первый взгляд может показаться, что при сложившихся обстоятельствах подобного преступления не могло произойти, но по результатам допроса

нескольких человек, находившихся в доме, я пришел к заключению, что в деле нас не ждет много трудностей...

– Снимите зал и выступите с серией лекций о работе полиции, – усмехнулся Хемингуэй. – Вы заработаете кучу денег: люди готовы платить за любые рассказы. Я бы не слушал, конечно, и даже наше Управление не станет ждать, что я буду платить за то, что мне навязывают. В общем, перестаньте раздражать меня и расскажите, что тут произошло.

Инспектор сердито взглянул на него, но требования субординации не позволили возмутиться. Он продолжил деревянным голосом:

– Дом снимает миссис Лилия Хаддингтон, о которой ничего не известно. Она проживает с дочерью Синтией Хаддингтон и со слугами в количестве шести человек. При ней также состоит молодая женщина-секретарь, находившаяся здесь в интересующее нас время. Убитый – Дэниел Сэтон-Кэрю, адрес: Хаутон-Хаус, Джермин-стрит. Насколько я понимаю, он был близким другом миссис Хаддингтон. Будучи одним из сорока четырех приглашенных на бридж, он до начала игры ужинал в обществе миссис и мисс Хаддингтон, секретаря мисс Бертли, лорда Гизборо и некоего Харта. Еще двое гостей выполняли в игре обязанности счетчиков. Один из них, доктор Теодор Уэструтер, первым осмотрел тело. В одиннадцать часов Сэтона-Кэрю позвали к телефону, стоявшему в комнате, известной как будуар. Через несколько минут – никто не может уточнить, сколько именно времени прошло: миссис Хаддингтон говорит о десяти минутах, мисс Бертли – о большем отрезке времени, все остальные показывают, что вообще не знают, во сколько Сэтона-Кэрю позвали к телефону...

– Передохните! – посоветовал Хемингуэй.

Першор, сообразив, что упустил нить повествования, заглянул в записи.

– Сэтона-Кэрю позвали к телефону, – напомнил старший инспектор.

– По прошествии нескольких минут, – холодно продолжил Першор, – миссис Хаддингтон попросила сэра Родерика Уикерстоуна навеститься в будуар и напомнить Сэтону-Кэрю, что его ждут. Сэр Родерик так и сделал, вследствие чего нашел тело убитого, которое вы сами увидите. Теперь о тех, чьи передвижения в то время, когда было совершено преступление, вызывают вопросы...

– Не надо о них! Мой девиз – «начнем с главного». Необходимо осмотреть тело. Ведите меня в этот самый будуар!

– Разумеется, как скажете, старший инспектор. Я покажу, куда идти. – Першор повел его вверх по лестнице. – Сержант Бромли, прибывший незадолго до вас, сейчас фотографирует в комнате отпечатки пальцев. Излишне говорить, что после моего прибытия в 11.53 там ни к чему не прикасались.

Поскольку трогать что-либо до прибытия представителя Скотленд-Ярда было непрофессионально, это избыточное напоминание вывело старшего инспектора из себя. Он чуть не прожег гневным взглядом спину инспектора Першора, но не успел сказать ничего из того, что просилось у него с языка.

– Тсс! – успокоительно произнес инспектор Грант.

– Не скажу, что вы не правы, но если вы действительно советуете мне помолчать, то я, пожалуй, подам на вас рапорт.

Улыбающийся инспектор напомнил Хемингуэю своих земляков с Северного нагорья. На лестничной площадке инспектор Першор открыл дверь в гостиную миссис Хаддингтон и посторонился, пропуская Хемингуэя.

Там собралось несколько человек. Мертвый Дэн Сэтон-Кэрю застыл в кресле у углового телефонного столика между дверью и первым из двух длинных занавешенных окон. Его лицо было чудовищно искажено, из-за затылка высовывались два кончика тонкой проволоки. Голова склонилась на грудь, руки повисли по бокам, одна нога была вытянута под шатким столиком с телефоном, другая, согнутая, уперлась подошвой в ножку кресла.

Старший инспектор мужественно осмотрел труп, обвел взглядом комнату и радостно произнес:

– Добрый вечер! То есть доброе утро! Как твой сынишка, Том?

Фотограф улыбнулся:

– Прекрасно, сэр, спасибо. На этой неделе карантину конец.

– Вот и отлично. – Хемингуэй отвернулся от фотографа и опять уставился на неподвижную фигуру в кресле. – Ну-ну... – проговорил он. – Чего только не случается...

Это было сказано безразличным тоном. Все подчиненные, кроме одного, ждали в почтительном молчании, зная, что какие бы глупости он ни нес, голова у него работает быстро и глупостей совершенно чужда.

– Как вы убедитесь, старший инспектор, – произнес Першор, – преступление совершено при помощи обычной проволоки для вешания картин, обмотанной вокруг шеи потерпевшего, при помощи какого-то неизвестного инструмента. Держа в руке конец проволоки и этот инструмент и стоя у потерпевшего за спиной, убийца быстро обвил ему шею проволокой, подцепил другой конец, соединил концы и несколько раз повернул свой инструмент, вызвав смерть от удушья за...

– Можно подумать, он сам не видит, – перебил Першора Грант. – Вы бы унялись, глупец!

– Секундочку! – Першор раздулся от гнева. – Как вы сами убедитесь, старший инспектор, шея убитого была туго обмотана ниже места, где расходятся концы проволоки, а это означает, что между ними находилось приспособление, которое потом убрали.

– Оно найдено? – спросил Хемингуэй.

– Пока нет, старший инспектор, – признался Першор.

Старший инспектор обвел взглядом комнату:

– Не вижу ничего подходящего. Даже если найдем – что толку? Вряд ли преступник оставил свои отпечатки на проволоке. Вы проверили проволоку, Том? Ничего на ней, конечно, не обнаружите, но надо использовать все возможности. – Он обратился к фотографу: – Мне нужен снимок этого угла с того места, где вы стоите.

Следующие несколько минут Хемингуэй посвятил фотографу. Когда тот, сделав все снимки, которые потребовались, стал собирать свою аппаратуру, он еще немного постоял, изучая картину преступления.

– Если вы закончили, старший инспектор, то «Скорая» готова забрать труп, – напомнил Першор.

– Его нашли в этой позе? Все на месте?

– Из показаний сэра Родерика Уикерстоуна и доктора Уэструтера следует, что никто не дотрагивался до тела. Особенно настойчиво я допросил врача, исходя из того, что он мог попробовать оживить жертву, но он утверждает, что сразу увидел: человек мертв, и не трогал его. Впоследствии полицейский медик...

– В комнате ничего не трогали?

– Ничего, кроме телефонной трубки, висевшей на шнуре: видимо, убитый выронил ее. Ее вернули на рычаги под моим наблюдением, – важно поведал инспектор Першор, – после чего сфотографировали на предмет отпечатков пальцев.

– Хорошо. Тело можно уносить, – распорядился Хемингуэй. – Говорил ли доктор Йоксолл... Не важно, сам узнаю.

Инспектор передал разрешение унести труп, увидел, что Хемингуэй раздвигает тяжелые парчовые шторы за телефонным креслом, и сказал:

– Убийца, без сомнения, прятался за этой шторой, старший инспектор.

– Сомнения есть, и много, – едко возразил Хемингуэй. – Перестаньте величать меня «старшим инспектором» всякий раз, когда открываете рот. Это действует мне на нервы. Я не

говорю, что преступник не прятался; но судя по тому, как все выглядит, прятаться ему было совершенно не обязательно.

– Вы хотите сказать, старший... вы хотите сказать, что потерпевший не ожидал нападения?

– Я не жду удара убийцы, когда играю с друзьями в бридж. Все могло произойти так, как вы думаете, но, по-моему, кресло стоит слишком близко к окну, чтобы тот, кто прятался за занавеской, не привлек внимания своей жертвы. Даже если не было шороха, любой сидевший там непременно заметил бы движение занавески хотя бы краем глаза. В этом случае он успел бы оказать хоть какое-то сопротивление. Мы же не наблюдаем ни малейших следов борьбы. Хорошая, чистая работа!

– Жестокое, подлое убийство! – сурово заявил инспектор Грант.

– Вы так говорите, потому что не любите дел об удушении. Все преступники – подлецы. Я видел много гораздо более жестоких убийств, да и вы тоже. – Подождав, пока накрытое тело Сэттона-Кэрю вынесут на носилках из комнаты, он продолжил: – Так на чем мы остановились? Теперь мне хотелось бы узнать, Першор...

– Подозреваемых держат в...

– Мне хотелось бы узнать, Першор, почему человеку с Джермин-стрит звонят в чужой дом? Ему точно звонили? Это установленный факт?

– Разумеется, мне тоже пришел в голову данный вопрос, старший инспектор. Сэтон-Кэрю договорился, что ему позвонят сюда: он сообщил об этом за ужином, при пяти других гостях, сидевших с ним за столом. По показаниям дворецкого, его самого в тот момент в комнате не было, поэтому о предстоящем звонке он не знал. У меня нет оснований не верить ему, но он – неважный свидетель.

– Вы не нашли к нему подхода: для допроса дворецких нужно особое умение. Итак, о предстоявшем звонке знали только пятеро? Вполне достаточно! Кто ответил на звонок? Дворецкий?

– Мисс Бертли утверждает, что она, в этой комнате. Звонили из Донкастера.

– Проверьте звонок, Сэнди.

– В момент звонка Сэтон-Кэрю играл за одним из столов в библиотеке. В гостиной, занимающей весь второй этаж, стояло еще восемь карточных столов. Кроме миссис Хаддингтон и еще одного гостя, никто комнаты не покидал. Мы это тщательно проверили: все были увлечены бриджем, никто не мог выйти из-за своего стола незаметно от остальных троих. Имена и адреса, естественно, записаны, но я не увидел причин задерживать кого-либо, кроме Сидни Баттеруика, о котором уже говорил.

– Правильно. Продолжайте!

Инспектор сверился с записями:

– Мисс Бертли показала следующее. Когда она вышла из комнаты с намерением позвать Сэттона-Кэрю к телефону, из гостиной, на лестничной площадке, появилась миссис Хаддингтон. По словам мисс Бертли, та разозлилась, узнав, что звонят Сэтону-Кэрю, однако велела мисс Бертли сходить за ним. Миссис Хаддингтон показывает то же самое. Затем она сказала мисс Бертли следить за порядком, а сама отлучилась к себе на третий этаж. Тогда мисс Бертли спустилась в библиотеку, где играл потерпевший...

– Я уже надеялся, что вы избавились от этой привычки! – рассердился Хемингуэй. – Называйте людей по фамилиям. Если будете и дальше разглагольствовать про «потерпевшего, игравшего в бридж», то доведете меня до нервных судорог!

– Как вам угодно, старший инспектор. Перед тем как вы меня перебили, я хотел сказать, что потер... мистер Сэтон-Кэрю играл в бридж за одним из столов. С ним за столом сидела мисс Гизборо, его партнерша и сестра-близнец лорда Гизборо, тоже находившегося в

библиотеке, мистер Годфри Паултон и иностранка, назвавшаяся баронессой... – Инспектор надул щеки и со страданием выговорил: – Баронесса Рождественски!

– Сколько букв?

Инспектор продемонстрировал машинописную строчку.

– Я попросил ее продиктовать фамилию по буквам и воспроизвожу так, как она произносила.

– Возможно, но прислушайтесь к моему совету: никогда больше не говорите этого слова, иначе люди подумают, будто с вами что-то не то. Ладно, баронесса, и точка! Вернемся к рассказу мисс Бертли.

– Мисс Бертли показала, что вскоре после ухода Сэтона-Кэрю в библиотеку – она только и успела, что вытряхнуть и вернуть на место пару пепельниц, – поднялась в гостиную с подносом, на котором стояли виски и содовая. Услышав звонок, мисс Бертли поставила поднос на стул за дверью. Она несла его полковнику Картмелу. Полковник подтверждает ее слова: говорит, что не помнит, как мисс Бертли сделала это, но нашел рюмку, когда оглянулся. Он в это время играл, поэтому мисс Бертли не обратилась к нему. Остальные гости помнят, как мисс Бертли ставила на столик рюмку, но смутно. Мисс Бертли говорит, что провела в гостиной минуту-другую, увидела, что одна коробка из-под сигарет пуста, и пошла вниз, за сигаретами, хранившимися в буфете в столовой. Там она застала Баттеруика, пившего виски с содовой, поданный дворецким. Ничего ему не сказав, она взяла сигареты и вернулась в гостиную.

– Почему вы на нее взелись? – поинтересовался Хемингуэй.

– Надеюсь, я ко всем беспристрастен, старший инспектор. Но мисс Бертли вынужден охарактеризовать как неудовлетворительную свидетельницу. Более того, у меня есть основания полагать, что она утаила от меня часть правды. Вела себя враждебно, неохотно отвечала на мои вопросы и всячески убеждала меня, что не могла успеть убить Сэтона-Кэрю, хотя время сделать это у нее было. Ее слова, будто после ухода Сэтона-Кэрю из библиотеки она там задержалась, подтверждает один-единственный человек. Я не придавал этому значения, поскольку он подтвердил бы все, что бы она ни сказала! Остальные гости в библиотеке говорят, мол, не помнят, чтобы мисс Бертли входила и выходила несколько раз за вечер. Кроме того, у меня была возможность спросить ее, заметила ли она возбуждение мистера Баттеруика. Мисс Бертли ответила, что не заметила в нем ничего необычного, хотя, по словам дворецкого, это любому бросилось бы в глаза, таким он был нервным и странным: не обращал внимания на то, что ему говорили, и опрокинул одну за другой две двойные порции виски.

– Им мы еще займемся, – пообещал Хемингуэй. – Что показала миссис Хаддингтон?

– После того как мисс Бертли пошла вниз за Сэтоном-Кэрю, сама она отправилась к себе и увидела вышедшего из гостиной Баттеруика. Он объяснил, что идет в столовую за выпивкой, потому что за его столом игра завершена. Хозяйка поднялась в спальню и не знает, спустился ли он вниз, как обещал. В своей комнате она провела несколько минут – подтверждения этому нет, разве что слова двоих гостей, что она отлучалась ненадолго, – после чего вернулась в гостиную, откуда вышла только после обнаружения мертвого тела. Баттеруик рассказывает то же самое: видел, дескать, как миссис Хаддингтон идет наверх, когда спускался в столовую. Ни Сэтона-Кэрю, ни мисс Бертли он якобы не встретил – вот здесь, старший инспектор, он, полагаю, говорит неправду. Кроме того, Баттеруик показывает, что не слышал никакого разговора между миссис Хаддингтон и мисс Бертли про телефонный звонок, – и снова лжет. Побыв в столовой, он вернулся в гостиную, когда сэр Родерик Уикерстоун уходил проверить, почему Сэтон-Кэрю задерживается. Сэр Родерик подтверждает это. Дворецкий не знает, когда он покинул столовую, потому что отправился к себе.

– Ясно. У Баттеруика были основания убивать Сэтона-Кэрю?

– Насколько я понимаю, у него их было больше, чем у кого-либо еще, – ответил Першор. – Исходя из того, что мне удалось узнать, он был буквально помешан на Сэтоне-Кэрю и всегда с ума сходил, если тот обращал слишком много внимания на кого-либо еще.

– Так он гомосексуалист? Неужели придется расследовать дело о преступлении на сексуальной почве?

Инспектор опустил голову:

– Так мне представляется, так я понял... При этом, как следует из показаний дворецкого и горничной мисс Хаддингтон, Сэтон-Кэрю ухаживал за Синтией Хаддингтон, что никак не устраивало миссис Хаддингтон, потому что он – ее ровесник, а главное, состоял в близких отношениях с ней самой. Хотя это, – оговорился Першор с суровым видом, – неподтвержденные сплетни.

– Хорошенькое дельце! – воскликнул Хемингуэй. – Что же получается? Миссис Хаддингтон задушила Сэтона-Кэрю за приставания к ее дочери или все-таки Баттеруик – по той же причине?

– Справедливости ради надо указать, – произнес Першор, – что дворецкий и горничная заявляют: после ужина миссис Хаддингтон и Сэтон-Кэрю уединились в библиотеке и, судя по доносившимся оттуда голосам, поспорили. По словам миссис Хаддингтон, застав ее в задней гостиной за беседой с Сэтоном-Кэрю, Баттеруик устроил сцену, разбушевался и мог что-нибудь натворить. Это подтверждает леди Паултон, только слов, которые наговорили друг другу Баттеруик и Сэтон-Кэрю, она не слышала. Мол, он выглядел огорченным, только и всего. Мисс Чидл, его партнерша, вспомнила, что его как будто что-то отвлекало от игры, но про ссору с Сэтоном-Кэрю она не знает.

– Мисс Бертли тоже поссорилась с Сэтоном-Кэрю? – спросил Хемингуэй.

– Как утверждают слуги, она его недолюбливала и не пыталась этого скрывать. Вечером они явились сюда вместе. Когда дворецкий открыл им дверь, видно было, что мисс Бертли сердита на Сэтона-Кэрю. По словам дворецкого, он смеялся и дразнил ее, она сказала ему что-то угрожающее, насчет своей решительности и безжалостности: мол, напрасно он так в чем-то уверен...

– Слыша подобные показания, я обычно жалею, что не пошел в водители грузовика. У кого еще произошла глупая ссора с этим популярным персонажем?

– Собственно, больше ни у кого, – ответил Першор. – Кажется, его не выносил также лорд Гизборо – он сам мне в этом признался. Он тоже влюблен в мисс Хаддингтон, но у его алиби: Гизборо играл в бридж в библиотеке и не покидал комнату, пока не сообщили об убийстве. Как и остальные гости за его столом.

– Жаль! А я-то размышлялся! Никогда еще не арестовывал лордов, а у него, похоже, не менее сильные мотивы, чем те, о каких я уже слышал. Как насчет остальных гостей из библиотеки?

– После ухода Сэтона-Кэрю отлучались только двое. Паултон, игравший за одним с ним столом, вышел подышать воздухом – в комнате стало душновато. Он говорит, что прогулялся по холлу до входной двери и немного постоял на крыльце. Затем он вернулся в библиотеку, по пути посетив туалет. Подтвердить это никто не может.

– Как у него с мотивом?

– Отсутствует, насколько я установил, – ответил инспектор.

– Хорошо, надо будет к нему присмотреться.

– К нему? – удивился Першор.

– Лучше совсем без мотива, чем много мотивов! Кто еще покидал библиотеку?

– Мистер Харт. Он играл в паре с миссис Хаддингтон против мистера и миссис Кенелм Гизборо – между прочим, они приходятся лорду Гизборо двоюродными братом и сестрой.

Через несколько минут после ухода Паултона Харт вылетел в «болваны» и тоже ушел. Он встретил Паултона, выходявшего из туалета.

– Как он действовал?

– По его словам, тоже посетил туалет. У Харта явный мотив отсутствует – наверное, вы и к нему решите приглядеться, старший инспектор? – с сарказмом осведомился Першор.

– Стоит вам произнести это имя, как у меня в голове звенит звонок, – признался, хмурясь, Хемингуэй. – Почему, хотелось бы мне знать? Харт, Харт... Я точно натыкался на него раньше!

– Приятный джентльмен, – заметил Першор. – Я бы дал ему около тридцати лет. Он барристер – вероятно, потому вы о нем и слышали.

Хемингуэй покачал головой:

– Нет. Ладно, подождем. Наверное, я вспомню, когда увижу его.

– Харт в гостиной вместе с мисс Бертли, Баттеруиком, Паултоном и доктором Уэструтером. Уэструтер находился в библиотеке, когда оттуда вышел Сэтон-Кэрю, а потом поднялся в гостиную, чтобы сообщить тамошним игрокам о причине задержки в игре – это происходило до того, как стало известно об убийстве. Доктор Уэструтер утверждает, что до этого вечера не был знаком с Сэтоном-Кэрю.

– Зачем вы его задержали? – спросил Хемингуэй. – Представляю, как он теперь неистовствует!

– Я его не задерживал. Он остался по собственной воле – хотя не исключено, что по просьбе миссис Хаддингтон, которая впала в истерическое состояние. Это было сначала, потом она успокоилась.

– Пора мне взглянуть на этих людей и отпустить тех, кому здесь не место. Иначе они станут жаловаться, что их всю ночь держали взаперти без всякой причины. Как насчет слуг? Тоже бодрствуют?

– Только дворецкий и горничная. Остальные находились на виду: кто в столовой для слуг, кто в кухне.

– Ступайте к ним, Сэнди, опросите и отпустите спать! Последний вопрос к вам, Першор, прежде чем идти к вашим подозреваемым: кто-нибудь объяснил, откуда взялась проволока, использованная для удушения?

– Проволоку, старший инспектор, взяли из мотка, купленного вчера утром мисс Бертли по просьбе миссис Хаддингтон. Часть ее она использовала для цветов, а остальное оставила на полке в уборной.

– На виду у любого посетителя этого места?

– Да, – кивнул инспектор. – Любой, поправляя галстук перед зеркалом, не мог не увидеть проволоку, если она оставила ее там.

– Задача упрощается?

– Вряд ли. Ни один из них проволоки не видел. А если видел, то не признается, – возразил инспектор.

Глава 8

Группу из шести человек собрали в передней гостиной, откуда вынесли карточные столы. Проход в заднюю часть гостиной загородили бархатными занавесками, в камине ярко горел огонь. Обстановка была даже уютная, если не обращать внимания на тесноту: пятеро из шестерых расселись вокруг огня. В углу дивана прямо, как кочерга, восседала миссис Хаддингтон, таращась на пламя и вцепившись худыми окольцованными руками в свой веер. При обнаружении трупа ее старого друга она оказалась на высоте положения: инстинкт светской дамы обладал над первобытными эмоциями. Но старания держать себя в руках в этой беспрецедентной ситуации, а также бурная истерика дочери лишили мисс Хаддингтон жизненной энергии. Она выглядела измученной, все мышцы были предельно напряжены, будто лишь усилие воли удерживало ее от нервного припадка. Рядом с ней, то и дело поглядывая на наручные часы и неуклюже пряча зевоту, сидел доктор Уэструтер, ругавший себя за то, что, уступив благородному побуждению, согласился не покидать гостиную до прихода «человека из Скотленд-Ярда». Если бы он знал, что это так затянется!

Напротив дивана расположился в глубоком кресле Годфри Паултон. Он листал журнал, откровенно позевывал и всем своим видом показывал, что давно уже должен находиться в постели. На удалении от камина сидела на стуле мисс Бертли, прикрывшая ладонью глаза. Другой рукой она теребила носовой платок. Круг замыкали Сидни Баттеруик и Тимоти Харт.

У Баттеруика первая реакция на трагедию мало отличалась накалом и драматической экспрессией от реакции Синтии. За приступом необузданных чувств последовало такое глубокое уныние, что Харт, единственный во всей компании, кто сохранил полное хладнокровие, прилагал все старания – отчасти из жалости, отчасти из неприязни к горьким рыданиям взрослых мужчин, – чтобы отвлечь его от переживаний. Задача была нелегкая, но Тимоти не сдавался и вскоре добился успеха: войдя в комнату, старший инспектор Хемингуэй застал Сидни за излюбленным занятием: он пылко втолковывал Тимоти, что «Жизель» – единственная стоящая проверка мастерства классической балерины.

Инспектор Першор объявил, что Хемингуэй намерен побеседовать со всеми присутствующими.

– Добрый вечер! – радостно начал тот, сразу подчеркнув приподнятостью тона контраст с присущей его подчиненному унылой официальностью. – Боюсь, мы заставили вас долго ждать, прошу принять мои извинения.

– Боже всемогущий! – изрек Харт, глядя на него с прищуром. – Сержант!

Напряженный вид инспектора Першора свидетельствовал о том, что по первому сигналу старшего инспектора он готов взять Харта под стражу. Но Хемингуэй смотрел на Харта с интересом и с сигналом не спешил.

– В свое время я носил это звание, но с тех пор меня повысили, – произнес он. – А вы, сэр, знавали меня сержантом?

– Еще бы! – Тимоти вскочил и устремился к нему с протянутой для пожатия рукой. – Вы меня, наверное, не помните. Дело Кейна вам о чем-нибудь говорит?

– Харт! – воскликнул Хемингуэй. – Я же говорил, что ваша фамилия мне знакома! Чтоб мне провалиться, если вы не Ужасный... – Он осекся, в кои-то веки испытав смущение.

– Ужасный Тимоти, – подсказал Харт. – Полагаю, меня не зря так прозвали. Какживаете? Я вас сразу узнал.

– Должен признаться, я бы вас не узнал, сэр, – улыбнулся Хемингуэй, пожимая ему руку. – Вы уж не обессудьте, если я скажу, что вы тогда доставили изрядных хлопот! Какживает ваш братец? Надеюсь, с тех пор на него никто не покушался?

– Только фрицы. Он потерял ногу у Монте-Кассино, а в остальном молодцом. Четверо детей, представляете?

– С трудом. Ну и летит время! Кажется, еще вчера вы сами были ребенком, сэр, и сводили меня с ума своими попытками помочь в раскрытии дела. Даже не верится!

– Похоже, такая у меня судьба – быть замешанным в убийствах, – сказал Тимоти. – Только на сей раз я – подозреваемый.

– Так и есть, – сурово подтвердил Хемингуэй. – Это вполне в вашем стиле, как мне подсказывает память. В деле Кейна у меня были связаны руки, потому что вы были малы, но теперь иное дело. Предупреждаю, если опять позволите себе шуточки, я поступлю с вами строго. Чем дольше смотрю на вас, тем больше убеждаюсь, что вы не изменились!

Этот обмен репликами, мучительный для инспектора Першора, позволил присутствующим облегченно перевести дух. У всех создалось впечатление, что, если молодой Харт дружен с человеком из Скотленд-Ярда, это благоприятно повлияет и на других, попавших заодно с ним в число подозреваемых. Однако следующие слова старшего инспектора снова испортили им настроение.

– Вы расскажете мне обо всем, что с вами произошло после нашей последней встречи, сэр, – произнес он. – Инспектор Першор записал адрес, и я буду знать, где вас искать, если возникнут вопросы. Не стану больше вас задерживать. По словам инспектора, вы дали необходимые показания, и он все записал.

Тимоти ответил признательной улыбкой:

– Легко вам было от меня избавиться, когда мне было четырнадцать лет, старший инспектор?

– Нелегко, сэр, но, повторяю, теперь все иначе. Избавляюсь от вас одним щелчком пальцев!

– А вот и нет! – возразил он. – Я – юридический консультант мисс Бертли.

При этом уверенном заявлении Бьюла вскинула голову, а миссис Хаддингтон пристально посмотрела на нее, а потом на Тимоти.

– Нет-нет! – возразила Бьюла. – Я не нуждаюсь... не хочу... Я бы предпочла, чтобы вы этого не делали!

– Подобная лазейка в вашем стиле, сэр, – заметил Хемингуэй. – Что ж, оставайтесь. Вы мне не мешаете. Раз вы здесь, придется извлечь из этого пользу. Расскажите, кто тут кто, не будем заставлять инспектора ждать.

Инспектор Першор ухватился за это предложение охотнее, чем Харт.

– Если я вам больше не нужен, сэр...

– Да, благодарю вас, инспектор. Полагаю, мы скоро увидимся, – любезно отозвался Хемингуэй.

Першор удалился, и Тимоти представил Хемингуэю пятерых оставшихся. Старший инспектор присматривался к каждому, а доктору Уэструтеру сказал:

– Вы наверняка хотите уйти домой, доктор. Не стану вас задерживать. Инспектор Першор расспросил вас обо всем, и я знаю, где вас найти, если понадобится помощь. Вы находились рядом с доктором Йоксоллом при осмотре тела, и между вами не возникло разногласий?

– Они вряд ли могли бы возникнуть, – ответил доктор. – Смерть наступила в считанные мгновения.

– Именно так, сэр. Мистеру Паултону тоже не терпится попасть домой. Будет лучше, если я начну с него. Прошу вас, сэр!

Годфри Паултон, лениво покинув кресло, ответил низким, немного небрежным голосом «конечно, старший инспектор» и вышел следом за Хемингуэем из комнаты.

– Вы не возражаете побыть здесь, сэр? – промолвил Хемингуэй, открывая дверь будуара. – Кажется, это единственная комната без игральных карт и канапе с креветками.

– Не возражаю, поскольку полагаю... – Паултон сделал паузу, глядя на кресло рядом с телефоном.

– Что вы, что вы! – воскликнул Хемингуэй, поняв намек. – Вряд ли я вас сильно задержу. – Видя, что Паултон смотрит на Гранта, он представил его: – Инспектор Грант. Садитесь, сэр. Итак, вы вышли из библиотеки после мистера Сэтона-Кэрю. Это отмечено в записях инспектора Першора. Покойный являлся вашим другом?

Паултон пожал плечами:

– Я бы так не сказал. Я встречал его раз пять.

Прежде чем войти в гостиную, старший инспектор ознакомился с подробными записями Першора. На свою память он не жаловался.

– Он бывал у вас в доме, сэр?

– Да, – ответил Паултон, безразлично глядя на старшего инспектора из-под тяжелых век. – Моя жена принимает много гостей, а я человек очень занятой и не всегда присутствую на ее вечерах.

– Понимаю, сэр. Мистер Сэтон-Кэрю был скорее другом леди Нест, чем вашим?

– Правильнее называть его ее знакомым. Моя жена познакомилась с ним благодаря своей дружбе с миссис Хаддингтон.

– Вы находились с ним в хороших отношениях, сэр?

– Если вы спрашиваете, не были ли мы с ним в ссоре, то ответ – нет. Если вопрос о другом – нравился ли он мне, то ответ снова отрицательный.

– Забавно получается с этим Сэтоном-Кэрю, – заметил Хемингуэй. – Человек вроде пользовался популярностью, и пожалуйста – убит!

– Забавнее не придумаешь, – кивнул Паултон. – Но не будем путать популярность с полезностью. Неженатые мужчины, старший инспектор, пользуются высоким спросом среди устроительниц приемов.

– Естественно. Вряд ли вы окажете мне помощь. Не стану вас больше задерживать.

Инспектор Грант встал и открыл дверь.

– Благодарю, – сказал Паултон. – Жду не дожусь, когда наконец лягу. Впереди у меня трудный день. Доброй ночи!

Инспектор, затворив за ним дверь, взглянул на своего начальника.

– Вы не стали на него давить, сэр.

– Нет, не люблю терять время зря. Если предоставить Годфри Паултону выбор, кого пустить в свой дом – крысу с помойки или покойного Сэтона-Кэрю, то он, по-моему, выбрал бы крысу. Послушаем, что нам расскажет леди Нест. Сейчас мне нужен Баттеруик. Приведите его, Сэнди.

– Думаете, у него было время совершить убийство?

– Как и у любого из них. Собственно, это редкое дело, в котором фактор времени нас не беспокоит, но и не помогает. Прошло от десяти до двадцати минут между вызовом Сэтона-Кэрю к телефону и моментом, когда сэр Родерик нашел его труп. Скажите, сколько времени потребовалось бы вам самому, чтобы преодолеть один лестничный пролет, закрутить на чье-то шее проволоку и опять сбежать вниз?

– Было бы странно входить в комнату, где человек, как мне известно, разговаривает по телефону, – заметил инспектор.

– Намекаете, что Сэтон-Кэрю насторожился бы? Конечно, если у Сэтона-Кэрю были причины думать, что Паултон способен покуситься на его жизнь, то логично было бы найти следы борьбы. А если он так не думал? Представьте: Паултон просто входит и говорит «извините», словно хотел что-то принести?

– А что ему было сюда приносить?

– Когда Сэтон-Кэрю спохватился бы, его горло уже сжимала проволока. Я не утверждаю, что все именно так и произошло, но все равно вы зря издаете звуки, которые я расцениваю как неповиновение. Лучше приведите мне этого педика!

Сидни Баттеруик, через несколько минут явившийся в будуар, заметно дрожал, однако успел более-менее взять себя в руки. На его лице еще оставались следы сильных переживаний, но он уже мог улыбаться, пусть несколько нервно, и уверял Хемингуэя, что тот может рассчитывать на его сотрудничество.

– Я был предан Дэну! – заявил Баттеруик. – Любой вам это подтвердит. В определенном смысле он был чудесным человеком. Он был медленным экстравертом, а я, конечно, быстрый экстраверт, но с кое-каким наложением – ну, вы меня понимаете... Наверное, меня можно назвать интуитивным экстравертом. Но лучше я сразу вам скажу, что признавал и принимал Дэна таким, каким он был. Соглашусь даже, что он был просто ловким грубияном, и я часто с ним ссорился, да еще как! Этим вечером Дэн сильно огорчил меня, и для меня невыносима мысль, что, видя его последний раз в жизни, я был страшно на него зол. Вернее, не столько зол, сколько обижен. Знаю-знаю, я все принимаю слишком близко к сердцу, такие, как я, всегда так делают. Вы читали Юнга?

Инспектор Грант перевел взгляд на старшего инспектора. У того было два увлечения: драма и еще одно, которому он отдавался к ужасу, радости и возмущению коллег, – психология. Хемингуэй благосклонно внимал потоку слов Баттеруика, но последнее высказывание исчерпало его терпение.

– Представьте, читал, как и Вендта, Мюнстербурга, Фрейда и Розанова, – с сарказмом ответил он. – Поэтому знаю, что вы не из аутистов. Пока не решил, антисоциальны вы или маниакально-депрессивны, но надеюсь скоро решить.

Эта неожиданная отповедь вывела Сидни из равновесия.

– Встретить полицейского, интересующегося психологией, – настоящее чудо! – захихикал он. – Думаю, я антисоциальный истерик. Нет, я не питаю иллюзий на свой счет. Не принимать самого себя было бы смертельно опасно. Например, я обожаю Микеланджело, но понимаю, что это, наверное, выражение желания соперничества, так же как, допустим...

– Сядьте, сэр! – велел Хемингуэй.

Сидни повиновался, пригладил рукой свои светлые волнистые локоны, машинально поправил галстук.

– Задавайте мне любые вопросы! – воскликнул он. – Я отвечу на них абсолютно честно.

– Разумное решение, сэр, – кивнул старший инспектор. – Для начала расскажите о причине вашей вчерашней размолвки с мистером Сэтоном-Кэрю.

– Он меня обидел!

– Как ему это удалось?

– Мы не виделись три дня, он не отвечал на мои телефонные звонки. Дэн часто так поступал, когда бывал не в духе: дразнил меня, не желая обидеть. Однажды заявил, что я слишком серьезно отношусь к жизни, и был, наверное, прав, но...

– Вы решили, что надоели ему? – перебил его Хемингуэй.

– О... Вообще-то нет!

Старший инспектор заглянул в записи:

– Вы сказали ему: «Хотите сказать, я вам надоел?» Он ответил: «Представьте, именно так». Правильно, сэр?

Сидни покраснел до корней волос:

– Откуда вы знаете, что я говорил? Наверное, от этой маленькой стервы Хаддингтон?

– Почему вы так о ней говорите?

– Не сомневаюсь, Синтия Хаддингтон воображала, будто Дэн в нее влюблен, потому что он обращает на нее внимание. Но она ошибалась, ошибалась! Если Синтия навязала вам свои бредни про то, что я заревновал, то это смешно! Смешно, и все!

Трудно было представить нечто более далекое от смеха, чем звуки, издававшиеся Баттеруиком, и его вид; но Хемингуэй, отметив данное обстоятельство, не стал ничего уточнять. Он попросил Сидни рассказать, чем тот занимался с момента, когда встал из-за карточного стола, чтобы пойти выпить, до своего возвращения в гостиную.

– Разумеется, раз вам это интересно... – начал Сидни, пожимая плечами.

– О, боже, – пробормотал инспектор Грант.

– Рассказывать-то нечего, – продолжил Сидни. – Партия за моим столом закончилась, и я использовал эту возможность, чтобы спуститься в столовую. Я никого не видел, кроме дворецкого. Это вы хотели узнать?

– Никого не видели, сэр? Насколько мне известно, на лестнице у вас произошел разговор с миссис Хаддингтон.

– Ах, это! Я думал, вам важно, видел ли я Дэна или кого-то, кто мог его убить. Да, вроде бы я перекинулся парой словечек с миссис Хаддингтон, только не помню о чем. В любом случае, ничего важного не прозвучало.

– Находился еще кто-нибудь на лестничной площадке или на лестнице, когда вы вышли из гостиной, сэр?

– Кажется, никого.

– А что делала на площадке миссис Хаддингтон?

– Господи, откуда мне знать? Она поднималась на третий этаж, то есть как раз стала подниматься, когда я начал спускаться.

– Мисс Бертли спустилась вниз до того, как вы последовали за ней?

– Да. То есть, наверное, так. Я не помню, что видел ее. Полагаю, она там была, просто я не обратил на нее внимания. После убийства разные мелочи проходили мимо моего внимания.

– Вы слышали, как звонил телефон?

– Нет, но, наверное, и не мог услышать: у него приглушенный, еле слышный звонок.

– Откуда вы знаете?

Сидни, улыбаясь, задержал на нем взгляд:

– Я слышал его раньше: я в этом доме не впервые.

– Вечером вы не слышали звонка, не знали, что звонят Сэнтону-Кэрю, не слышали разговор миссис Хаддингтон и мисс Бертли? Мне нужен от вас точный ответ, сэр, чтобы инспектор Грант мог все правильно записать и нам потом не пришлось вносить поправок.

Сидни покосился на невозмутимого инспектора, перевел взгляд на Хемингуэя, опять пригладил волосы.

– Нет, я не знаю, о чем они говорили. Хотя вы освежили мне память: припоминаю, что там находилась мисс Бертли. Если вы считаете, будто я знал, что она ходила за Дэном, чтобы сказать ему о звонке, и это я убил его таким жутким способом, то вы не просто ошибаетесь, а позволяете себе самые абсурдные догадки! Вам наверняка известно, что все это меня страшно опечалило – любой вам это подтвердит! У меня был шок, я чуть в обморок не грохнулся! – Баттеруик посмотрел на инспектора Гранта, сидевшего с блокнотом в одной руке и с карандашом в другой, и сердито затараторил: – И нечего предлагать мне подписать показания, я это не сделаю! Я сам не свой, откуда мне знать, как все было вечером?

– Вы же еще не дали показаний, не так ли, сэр? – заметил Хемингуэй. – Вы всего лишь ответили на несколько вопросов и кое в чем наврали. Не стану скрывать: я вам не верю.

– Вы не имеете права так говорить! – почти взвизгнул Сидни.

– Если вы так считаете, сэр, то вам остается только пожаловаться на меня в Управление, – произнес Хемингуэй. – Вам пришлось бы убедить их, что вы не нагородили дурацкой лжи.

Вообще-то лучше бы вам убедить в том же самом и меня, избавив нас обоих от необходимости заниматься неприятными вещами. Перестаньте воображать, будто вас обвинят в убийстве, если вы сознаетесь, что знали, что Сэтон-Кэрю говорил из этой комнаты по телефону, – и все пойдет гораздо быстрее. Миссис Хаддингтон и мисс Бертли тоже об этом знали, но я не собираюсь арестовывать за это вас троих!

– Господи! – простонал Сидни и, к ужасу инспектора Гранта, уронил голову на ладони и разрыдался.

– Бедняга, – пробормотал тот.

– Вы лучше меня не злите! – предостерег младшего по званию старший инспектор. – Перестаньте, сэр, не надо так убиваться!

– Знаю, вы думаете, это я его убил! – всхлипнул Сидни. – Ну и думайте! Как будто мне это важно! Дэна больше нет! Ах, Дэн, Дэн, я не хотел!

От этой нелепой сцены инспектор заерзал на месте. Услышав совет Хемингуэя Баттеру-ику идти домой и лечь в кровать, он облегченно перевел дух. Осталось вывести плаксу за дверь, после чего он вернулся, вытирая взмокший лоб.

– Честное слово, сэр, вы меня порадовали, избавившись от него! Хотя не сказал бы, что Першор ошибся, предположив, что существуют основания подозревать именно его. Он из тех, кто, убив друга, способен выплакать все глаза!

– Не исключено, но, по-моему, все дело в выпитом. Не хватало только тратить зря время на расчувствовавшегося пьяного, не имея улики!

– Разве он напился? – возразил инспектор с гальским упрямством. – У меня иное впечатление: Баттеруик пережил драму.

– Не одну, а добрых полдюжины. Следующая – миссис Хаддингтон.

Через пять минут в комнату спокойно вошла хозяйка дома. Выглядела она такой же уверенной и накрашена была не хуже, чем когда принимала в гостиной гостей несколько часов назад. Не хватало только перчаток и бриллиантов. Она поприветствовала Хемингуэя величественным наклоном головы и расположилась в кресле у камина.

– О чем вы хотите меня расспросить, старший инспектор?

– Первый вопрос, мадам: где вы находились сегодня вечером, когда зазвонил телефон? Далее я бы выслушал, что вам запомнилось из дальнейших событий, вплоть до того момента, когда сэр Родерик Уикерстоун нашел мистера Сэтона-Кэрю мертвым в этой комнате?

Ответ прозвучал без малейшего колебания:

– Когда зазвонил телефон, я находилась в передней гостиной и вышла на лестничную площадку, чтобы сказать принявшему звонок, что сейчас не могу разговаривать по телефону.

– Вы решили, что звонят вам?

– Да. Все моя забывчивость: я ведь знала, что Сэтон-Кэрю ждет звонка, он упомянул об этом за ужином. Мне это не понравилось. Телефонные переговоры в разгар бриджа затягивают игру и чрезвычайно всех раздражают. На звонок ответила мисс Бертли, и я велела ей позвать Сэтона-Кэрю из библиотеки, где он играл, туда, где он мог бы спокойно говорить, не мешая другим. Не могу сказать точно, когда Сэтон-Кэрю поднялся сюда, потому что сама к этому времени уже ушла к себе в спальню. Не могу также сказать, как долго я не возвращалась в гостиную. Вряд ли я отсутствовала дольше нескольких минут. Когда спустилась, на площадке и на лестнице никого не было, дверь в эту комнату была закрыта. Я предположила, что Сэтон-Кэрю все еще разговаривает, и вернулась в гостиную. Мое внимание привлек небольшой спор за одним из столов. Помню, я была очень недовольна своим секретарем, мисс Бертли, не сумевшей в мое отсутствие проследить, чтобы все шло гладко, как я просила. Ее даже не было в комнате, она вошла туда только через несколько минут после меня. Потом из библиотеки вернулся доктор Уэструтер, объяснивший, что все ждут возвращения Сэтона-Кэрю, и я попросила сэра Родерика спуститься сюда и... положить конец этой бесконечной телефонной болтовне.

– Вы высказали удивление, что мистер Сэтон-Кэрю никак не наговорится, не так ли, мадам?

– Я подумала, что за это время он успел бы сделать целых два звонка.

– Не могли бы вы прикинуть, сколько времени прошло между вашим уходом в свою комнату и приходом сюда сэра Родерика?

– Лучше я не стану гадать. Видите ли, я не особенно следила за временем. Возможно, минут десять – вряд ли меньше.

– Кто-нибудь, кроме вас и мисс Бертли, знал о звонке?

– Всем, кто здесь ужинал, было известно, что он ждал звонка. Думаю, в библиотеке все знали, что его позвали к телефону. Баттеруик тоже знал: он стоял прямо у меня за спиной, когда я велела мисс Бертли сходить за Сэтоном-Кэрю.

– Вы уверены, миссис Хаддингтон?

Она уставилась на него:

– Разумеется.

– Он точно слышал ваш разговор с мисс Бертли?

– Он же не глухой!

– Я говорю немного о другом. Вы не думаете, что он мог выйти на лестничную площадку уже после вашего разговора с мисс Бертли?

– Ни в коем случае! Говоря с мисс Бертли, я вдруг заметила, что у меня за спиной стоит молодой Баттеруик.

– Благодарю вас за четкий ответ. Продолжим. Насколько я понимаю, проволока на шее у Сэтона-Кэрю была взята из мотка, приобретенного вчера днем мисс Бертли и лежавшего на полочке в туалете?

– Так мне сообщили. Сама я проволоку не видела.

– Вы не заходили в туалет?

– Не успела. Мне известно о словах мисс Бертли, что она оставила лишнюю проволоку на полке. Если это правда, то напрасно она так сделала, полка в уборной – не место для хлама. К тому же, – добавила миссис Хаддингтон, – меня удивляет, что никто из моих гостей не заметил в туалете проволоку.

– У вас есть причины считать, мадам, что мисс Бертли не оставляла там проволоку?

Она пожала плечами:

– Лично я не стала бы так уж доверять словам мисс Бертли.

– Давно она у вас служит?

– Примерно пять месяцев.

– Она вас не слишком устраивает? Скажите, ее рекомендации были в порядке?

– Боюсь, в этом я вам не помогу. Я взяла мисс Бертли на работу по рекомендации Сэтона-Кэрю.

– Вот как, мадам? Мисс Бертли и мистер Сэтон-Кэрю были друзьями?

– Сэтон-Кэрю проявлял дружеский интерес к ее судьбе. Хотя это была скорее благотворительность, чем дружба. Мисс Бертли терпеть его не могла. Хотя вам лучше спросить ее саму. Я, пожалуй, ограничусь тем, что за время работы мисс Бертли у меня причин жаловаться на ее поведение не возникло. Полагаю, это все?

– Не совсем, мадам. Как долго продолжалось ваше знакомство с Сэтоном-Кэрю?

– Очень много лет. Сэтон-Кэрю был близким другом моего мужа, почти членом семьи. После смерти мужа двенадцать лет назад он стал давать мне деловые советы. Смерть Сэтона-Кэрю для меня страшное потрясение, я еще не до конца осознаю, что его больше нет. Мне больно об этом говорить.

– Понимаю, – сочувственно промолвил Хемингуэй. – Он у вас ужинал?

– Да.

– У вас не случилось с ним размолвки, мадам?

Мисс Хаддингтон поджала накрашенные губы.

– По-моему, вы наслушались болтовни слуг, старший инспектор. Действительно, у меня имелись веские основания для недовольства мистером Сэтоном-Кэрю. Верно и то, что после ужина, до прихода игроков на бридж, я резко отчитала его.

– Боюсь, мне придется осведомиться о причине этой ссоры, мадам.

– Ссоры не было. Сэтон-Кэрю никогда ни с кем не ссорился. Он ничего не принимал всерьез. Иногда он бывал легкомысленным, и это раздражало. Сэтон-Кэрю далеко не в первый раз вывел меня из себя.

– Что же послужило причиной вашего раздражения вчера?

– Как вы, наверное, уже знаете, я сказала, что не разрешу ему волочиться за моей дочерью! Моя дочь – девушка исключительной красоты, но она неопытна, и от его ухаживаний у нее в голове стали возникать причудливые мысли. Сэтон-Кэрю был очень привлекательным мужчиной, красавцем, и вы, полагаю, не хуже меня знаете, как лестно для девушки, когда мужчина его возраста начинает ухаживать за ней. Конечно, он не имел никаких серьезных намерений, но от девушки девятнадцати лет глупо ждать, что она это поймет. Я сказала ему, что надо прекратить глупый флирт, иначе мне придется отказать ему от дома. Он попытался превратить все в шутку, и я разозлилась. Это все. Я могу быть вам полезна чем-либо еще?

– Позвольте только один вопрос, мадам. Мистер Баттеруик – частый гость в вашем доме?

– Сидни Баттеруик? Ну уж нет! Впервые я увидела его на приеме у миссис Четвинд. Он явился на бал, который я устроила для дочери в «Кларидже», а потом, на свою беду, пригласила Баттеруика месяц назад на музыкальный вечер в этом доме. Тогда он устроил нелепую и возмутительную сцену, вообразив, будто Сэтон-Кэрю уделяет кому-то больше внимания, чем ему, и я решила никогда больше его не приглашать. Я бы не изменила своего решения, но вчера один из гостей не пришел, и мне пришлось искать замену в последний момент.

– Не припомните, миссис Хаддингтон, в тот музыкальный вечер телефон не звонил?

Она приподняла брови.

– Господи, нет! Если бы звонок был, на него ответил бы мой дворецкий и сказал, что я занята. Сама я в любом случае не услышала бы звонка, потому что он тихий. Он звонит в холле и в комнате дворецкого, а принять звонок можно с любого аппарата по всему дому.

– Благодарю вас, мадам. Не стану больше вас задерживать, – произнес Хемингуэй.

Инспектор Грант затворил дверь за свисающими до пола бархатными занавесками и с тревогой в глазах повернулся к шефу:

– На мой взгляд, это плохая, очень плохая женщина! У нее в груди не сердце – камень!

– Наверное, – кивнул Хемингуэй.

– Чего она только не наговорила про девушку!

– Вы про мисс Бьюлу Бертли? Удивительно, как она вообще приняла эту девушку к себе на службу? Филантропов я представляю совсем другими, она на них ни капельки не похожа!

– Как же это получилось?

– Разберемся. Кроме Ужасного Тимоти, мисс Бьюла Бертли – единственная во всей компании, с кем я уже сталкивался. Это было полтора года назад, в лондонском суде. Ее посадили на девять месяцев за ограбление работодателя. Кажется, речь шла о подлоге, но дело вел не я, поэтому могу ошибаться. Приведите ее, и мы поговорим с ней.

Глава 9

Вернувшись в гостиную, миссис Хаддингтон застала молодого Харта по-прежнему сидящим у камина. Он развлекал мисс Бертли легкой беседой. Машинально улыбнувшись ему, миссис Хаддингтон обратилась к своему секретарю:

– Полагаю, теперь старший инспектор станет допрашивать вас, мисс Бертли. Вам лучше досидеть остаток ночи здесь, если не решите ехать домой на такси. За мой счет, конечно, но кто знает, который сейчас час и остались ли на улице такси.

– Не беспокойтесь, – произнес Тимоти, вставая. – Перед домом стоит моя машина, я отвезу мисс Бертли, когда закончится допрос.

– Не утруждайтесь! – сказала Бьюла.

– Что вы, дорогая мисс Бертли, для меня это удовольствие!

– Очень великодушно с вашей стороны, – заметила миссис Хаддингтон, слегка приподняв выщипанные брови. – Прошу меня извинить, я иду спать.

– Да, не засиживайтесь из-за меня! – взмолился Тимоти. – Вы, наверное, падаете с ног от усталости.

– Да, я устала, – призналась она. Увидев, что дверь открылась, миссис Хаддингтон добавила: – Полагаю, вы ждете моего секретаря.

– Именно так, мадам, – подтвердил инспектор Грант.

Бьюла порывисто встала:

– Я готова. Я... Вам лучше не ждать, Тимоти.

– Вы уже это говорили, – напомнил он. – Уверен, в беседе вам не помешало бы присутствие юридического консультанта.

– Нет-нет, не надо! Пожалуйста!

– Думаю, старший инспектор предпочел бы пообщаться с одной мисс Бертли, – вставил инспектор Грант.

– К предпочтениям старшего инспектора я равнодушен, – промолвил Тимоти.

– Я хочу пойти туда одна, Тимоти!

– Ладно. Ступайте с богом, дитя мое!

Войдя в будуар, Бьюла не удержалась и бросила взгляд на кресло рядом с телефонным столиком. Оно, конечно, уже пустовало, и от этого ей стало легче дышать. Хемингуэй, еще перед началом опросов пододвинувший себе один из столиков, которых в комнате было множество, встал и предложил Бьюле сесть напротив. Затем он официальным тоном попросил ее назвать свое полное имя.

Она в своей торопливой манере ответила:

– Бьюла Бертли. Вечером я уже называла себя полиции.

– Знаю, – кивнул Хемингуэй. – Но я попросил ваше полное имя. – Их взгляды встретились: Бьюла смотрела с вызовом, он – требовательно. – Имя Бьюла я помню, но у вас есть, кажется, и другое имя, иностранное. И фамилия ваша была не Бертли.

– О чем вы говорите?

– У меня цепкая память на лица, ваше я бы ни за что не забыл.

– Это ошибка. Вы считаете, что знаете меня, а я вас никогда в жизни не видела.

– Нет, потому что я не имел отношения к вашему делу. Просто оказался в тот день в суде. Предлагаю поговорить серьезно. Не надо врать, ложь меня утомляет. Имя?

Сначала у нее был такой вид, будто она не намерена отвечать, но потом Бьюла угрюмо произнесла:

– Франческа Бьюла Бертли Мериден.

– Так и знал, что имя иностранное, – пробормотал Хемингуэй, записывая услышанное. – Вам тогда дали девять месяцев? Растрата?

– И подлог.

– Сколько вам лет?

– Двадцать четыре.

– Родители?

– Умерли.

– Другие родственники?

– Есть дядя – хотя он предпочел бы, чтобы я о нем не вспоминала. Он не давал о себе знать с момента моего заключения. Наверное, уже забыл о моем существовании. Ему отлично удастся забывать о неприятностях. – Бьюла мрачно взглянула на него. – Какое это имеет отношение к происшедшему здесь? Наверное, вы думаете, что раз меня признали виновной в краже и подлоге, то на меня можно повесить и это убийство?

– Без улик нельзя. Хотя опытный полицейский сумел бы состряпать изобличающие вас улики, верно? Избавьте меня от этого лепета! Вы не представляете, сколько раз я все это слышал. Вы давно знали Сэтона-Кэрю?

– С тех пор как вышла из тюрьмы.

– Где вы познакомились?

Бьюла замаялась.

– Выкладывайте! – сказал Хемингуэй. – Что ему от вас понадобилось? Он любил протягивать руку помощи оступившимся дурочкам? Или это было светское знакомство?

– Нет. Мне посоветовали обратиться к нему. Сказали, что Сэтон-Кэрю найдет мне работу.

– Кто сказал?

– Одна женщина.

– Случайно, не из службы занятости?

– Нет, сокамерница.

– Любопытно! – воскликнул Хемингуэй. – Только не трудитесь убеждать меня, будто не ходили в службу занятости и в полицейский участок, потому что это я и так знаю и хочу обсудить совсем другое. С чего та женщина взяла, что Сэтон-Кэрю найдет вам работу?

Она усмехнулась:

– Не знаю. То есть тогда не знала... Еще полгода назад за мной следили. Наверное, она думала, что Сэтон-Кэрю найдет мне применение. Так и получилось: он направил меня к миссис Хаддингтон. Это устроило всех: Сэтон-Кэрю получил ее признательность, она – секретаря, которая безропотно сносит все ее издевки, я – твердую заработную плату.

– Похоже на благотворительность, вам не кажется? Чем занимался Сэтон-Кэрю?

– Понятия не имею.

– Бросьте! – прикрикнул Хемингуэй. – Вы пару раз намекали, будто он был дурным человеком, то есть вы кое-что о нем знали. Перестаньте изображать Красную Шапочку, я не Серый Волк! Серый Волк пугал бы вас наказанием за то, что не явились в полицию после условно-досрочного освобождения, а я, обратите внимание, об этом помалкиваю. Вы попали в переплет, и лучший выход – выложить все начистоту.

– Я думала, до угроз еще далеко! – усмехнулась Бьюла.

Хемингуэй вздохнул:

– Пока вы здесь единственная с судимостью. У вас нет алиби. Вы купили проволоку, которой Сэтон-Кэрю был потом задушен. Если из этих слагаемых у вас получается не та сумма, что у меня, то вы гораздо умнее, чем я предполагал! Хотя это мало о чем говорит, – добавил он язвительно.

Бьюла прищурилась и заговорила сквозь стиснутые зубы:

– Слушайте! Было время, когда Красная Шапочка считала полицейских своими ангелами-хранителями и думала, что надо всегда говорить им правду. Потом она поняла, что ошибалась, и решила больше не попадать в ловушку. Я не намерена ничего вам выбалтывать, старший инспектор! Одно вам скажу: Сэтона-Кэрю убила не я, хотя жалею, что сделать это не пришло в голову мне самой. Сумеете повесить это на меня – удачи! Мне безразлично! Я знаю, в какой ад превращается жизнь отпущенного на свободу заключенного. Лучше умереть! Нисколько не сомневаюсь, что вы не станете скрывать мою биографию, а раз так, то лучше уж идите до конца. Арестуйте меня за убийство!

– Сами знаете, как я ограничен в действиях, – возразил Хемингуэй. – Нам, полицейским, приходится соблюдать осторожность. Раструбить о вашей судимости значило бы нарушить правила.

Бьюла бросила на него быстрый взгляд:

– Мне безразлично. Про Дэна Сэтона-Кэрю я ничего не знаю.

– Ладно. Перейдем к тому, что вы знаете. Что вы сделали с телефонной трубкой, приняв звонок?

– Положила на стол, конечно!

– Покажите мне, как все происходило. Только без фантазий!

Она хмуро посмотрела на него, словно подозревая ловушку, затем встала, подошла к столу, левой рукой сняла трубку с рычагов и положила рядом с телефоном.

– Здесь, а не ближе к краю?

– Не уверена, но, кажется, я оставила ее вот так.

– Спасибо, можете положить обратно. Кто находился на лестничной площадке перед гостиной, когда вы приняли звонок для Сэтона-Кэрю?

– Моя хозяйка.

– Больше никого?

Бьюла наморщила лоб:

– Сначала – никого. Потом вышел мистер Баттеруик.

– Он успел услышать ваш разговор с миссис Хаддингтон?

– Не обратила внимания.

– Вы увидели его опять, когда Сэтон-Кэрю уже был в этой комнате?

– Я заметила мистера Баттеруика в столовой, но не говорила с ним.

– Как бы вы оценили его состояние? Нормальное, огорченное?

– Никак не оценила бы.

– Как вы нам помогаете! – вздохнув, произнес Хемингуэй.

– У меня нет желания помогать полиции.

– Лучше уйдите, пока я не потерял терпение! – посоветовал он.

– Это все? – недоверчиво пробормотала она. – Разве вы не спросите, как я поступила с оставшимся мотком проволоки?

– Вы положили его на полку в уборной, где его никто не заметил, даже миссис Хаддингтон.

– А ведь она лежала на виду, так что любой признался бы, что видел ее! Если миссис Хаддингтон не заметила мотка, значит, это единственное во всем доме, ускользнувшее от ее внимания. Когда кто-то из нерадивых слуг повесил в туалете не то полотенце, она была тут как тут!

– Рачительная хозяйка?

– Еще бы! Из тех, кто водит по мебели пальцем, проверяя, не осталось ли пыли, – усмехнулась Бьюла. – Что-нибудь еще?

– Нет. Отправляйтесь домой, мисс Бертли, и все хорошенько обдумайте. Тогда при следующей встрече мы лучше поладим.

Инспектор Грант тихо встал и открыл дверь. Бьюла неуверенно посмотрела на него, на Хемингуэя, а потом быстро вышла. Инспектор аккуратно затворил дверь. Шеф, глядя на него, сказал:

- Ну, выкладывайте! Вижу, как вас распирает.
- Упорная свидетельница! – воскликнул инспектор.
- Если это все...

Грант робко улыбнулся:

– Я не увидел ничего такого, чего не увидели бы вы сами. Вы не поблагодарите меня за напоминание о показании миссис Хаддингтон, что она не заходила в туалет, как и за мнение, что эта девочка не могла бы убить человека?

- Могла бы, не сомневайтесь. Но где мотив? Изучите ее дело, Сэнди.
- Обязательно. Как интересно! Ни у кого нет мотива.

– У кого-то он был. Беда в том, что мы ни о ком из них ничего не знаем, не считая девушки. Все, что у нас есть, – компания изысканных людей, вращающихся в лучших кругах. С такими надо обращаться аккуратно. Полиции известен только один из них. – Он задумчиво почесал подбородок. – Так и вижу, как какой-нибудь Годфри Паултон подает заместителю комиссара полиции жалобу на невежливое обращение. А какие у всех манеры! Друг о друге ни словечка. Мог ли я подумать, что обрадуюсь, опять столкнувшись при расследовании с Ужасным Тимоти? Это еще раз доказывает то, что я говорил.

– Вы про мистера Харта?

– Да.

– Вряд ли он способен кого-либо задушить.

– Убежден, что неспособен – вернее, был бы уверен до войны, но теперь-то этому бывшему десантнику сам черт не брат. Их учили таким штукам, что волосы дыбом! Но все равно Ужасный Тимоти, по моему скромному суждению, вовсе не первый подозреваемый и даже не последний. Поэтому, Сэнди, я намерен позвонить ему в контору и вытянуть из него информацию обо всех этих людях. В четырнадцать лет он сгорал от желания помочь мне. Наконец-то подвернулся случай принести пользу! – Встав, Хемингуэй добавил: – А то, что сказали бы его мать с отцом, узнав, на какую штучку он положил глаз, никого не касается! – Он захлопнул и убрал в карман блокнот. – Но сначала выясним, что там с отпечатками пальцев. Это мало что даст, но надо действовать по инструкции. Затем побываем в квартире Сэтона-Кэрю и посмотрим, какой улов ждет нас там. С вытаскиванием из постели горничной и ее допросом на предмет ошибки с полотенцем можно повременить.

– Как быть с миссис Хаддингтон, старший инспектор?

– Хотя я и не специалист по змеям, но эта занятный экземпляр! Она мне не понравилась, ее рассказ тоже. Как и то, что еще может открыться. Идем!

Из всего, что показали старшему инспектору специалисты по отпечаткам пальцев, его заинтересовало лишь одно. Как он и предполагал, снять отпечатки с проволоки на шее у Сэтона-Кэрю не удалось. Среди отпечатков на различных предметах в комнате не нашлось таких, каких там не должно было быть. На телефонной трубке – несколько смазанных следов, очень четкие от пальцев мисс Бертли – и ни одного от пальцев убитого.

– Вот это очень важно! – заявил Хемингуэй. – Только не спрашивайте почему: пока сам не знаю. Но чутье подсказывает. Именно оно и сделало меня старшим инспектором, кто бы что ни говорил.

– Это означает, – произнес инспектор Грант, – что Сэтон-Кэрю не прикасался к трубке.

– Много времени у вас ушло на данное умозаключение? – усмехнулся Хемингуэй.

Инспектор как ни в чем не бывало продолжил:

– Из этого следует, что трубку сбросили со стола в борьбе или ее кто-то поднял и бросил. Для чего?

– Борьбу можно исключить: ее не было. Если бы трубка свисала до пола из-за этого, то перевернули бы сам столик, чего не произошло. Нет, похоже, кто-то специально убрал ее со стола и оставил висеть. – Хемингуэй отложил фотографию, которую перед этим разглядывал. – Зачем? Сэтон-Кэрю был крупным мужчиной. Покушавшийся должен был постараться заставить его в удобном положении. Предположим, в разгар партии в бридж вас зовут к телефону. Как бы вы поступили?

– Я не играю в бридж.

– Ну, в хоккей, или как там еще называется ваша противоестественная игра? Вы бы схватили трубку стоя! И смотрели бы совсем не туда, куда нужно было вас повернуть преступнику. А теперь представьте, что трубка свисает вниз, как оно и было. Как вам удобнее ее взять? Сев в кресло, разумеется! И подставив шею невысокому убийце. Только не говорите, что все подозреваемые, не считая Ужасного Тимоти, были ниже Сэтона-Кэрю! Сам знаю! Я говорил, что ничего хорошего из этого не получится. Который сейчас час? Семь? После ночи кутежа самое время позавтракать. Потом мы наведаемся на Джермин-стрит и потревожим слугу мистера Сэтона-Кэрю.

Перед отъездом инспектору пришлось сообщить недовольному шефу, что звонок из Донкастера был произведен из телефонной будки.

– Это совершенно не то, что мне хотелось бы услышать в утренний час, – пробурчал Хемингуэй, наливая себе еще одну чашку очень крепкого чая. – Не сказать, что я удивлен. Единственное, что удивило бы меня в данном деле, – появление настоящей ниточки к его разгадке!

– Пока рано, – успокоил инспектор.

– Густой туман я узнаю в любое время, – огрызнулся Хемингуэй. – А я еще сказал Бобу, что рад, что на сей раз буду иметь дело не с поляком, балующимся ножом! Надоели, мол, легко раскрываемые дела...

– Верно, – кивнул Грант. – Хорошо помню ваши тогдашние слова: мотивов столько, что за деревьями не видно леса, да еще сразу трое подозреваемых со списком судимостей, как отсюда до Шотландии.

– Вот что я вам скажу: как только ко мне приставляют помощника, он сразу начинает вспоминать мои речи, которые ему лучше бы забыть. Однажды, еще до войны, у меня был молодой помощник с такой же привычкой. Знаете, что с ним стало? Ему пришлось уволиться из полиции!

– Если вы про Уэйка, то я знаю, что он уволился, потому что женился на вдовушке с процветающим бизнесом. Теперь у них не то трое, не то четверо ребятишек.

– Пусть это послужит вам уроком! Хватит меня раздражать. Едем на Джермин-стрит!

К этому времени уже началась продажа утренних газет. Пока полицейская машина стояла в уличном заторе, на глаза старшему инспектору попался заголовок в газете, выставленной в киоске. Одна из самых популярных газет завлекала набранным крупным шрифтом заголовком: «УБИЙСТВО ЗА БРИДЖЕМ!» Инспектор Грант поспешно вылез из салона, купил газету и успел запрыгнуть обратно, прежде чем машина тронулась с места.

– Это ушло в набор не позднее двух часов ночи, а то и раньше. Ну и времена! – проворчал Хемингуэй.

Ознакомившись со скудными сведениями, Грант изрек:

– Подозреваю, это дворецкий.

– Вечно дворецкие подрабатывают на стороне. Интересно, сколько ему заплатили?

– Не знаю, – ответил Грант. – Но сдается мне, он бы на это не пошел, если бы остался на службе у прежнего хозяина. Англичане у меня, конечно, под большим сомнением, но лорд Минстерли был прирожденным джентльменом и пользовался у слуг большим уважением. Не то

что миссис Хаддингтон у своих. В комнате дворцового стоит телефон. Можете быть спокойны, он сообщил о случившемся еще до нашего приезда.

– Не знаю, с чего вы взяли, что это меня успокоит, ну да ладно. Одно ясно: не успеем мы и глазом моргнуть, как нас начнут изводить криминальные репортеры.

Квартира Сэтона-Кэрю располагалась на четвертом этаже многоквартирного дома. Полицейские поднялись туда на лифте. Дверь им открыл гибкий слуга, не напуганный их появлением, но все-таки нервничавший. По его словам, ему уже сообщили о смерти хозяина. Он поспешно пригласил посетителей в гостиную.

Квартира была невелика: две спальни, столовая, гостиная и так называемые нежилые помещения. Обстановка была дорогой, но невыразительной, в глаза бросались разве что зеркальные панели в спальне и маленький уютный холл. Неплохи были также многочисленные глубокие кресла, накрытые воловьими шкурами и заваленные бархатными подушечками, зеркальный обеденный стол, застекленный шкаф, набитый книгами в дорогих переплетах телячьей кожи, купленными, судя по нетронутому виду, «для мебели». Запоминались огромная радиолы и несколько картин в экзотическом вкусе. Скорее об отсутствии вкуса свидетельствовали стандартная бронзовая лампа в виде обнаженной женщины, алебастровая пепельница, водруженная на серебряный аэроплан, бар с подсветкой и с внушительной батареей бутылок и набором бокалов всех калибров, все до одного с гравировкой на эротические сюжеты.

– В таких декорациях в голове возникают странные мысли, – пробормотал Хемингуэй.

Беглый осмотр квартиры не дал подсказок о профессии Сэтона-Кэрю: все здесь было безлико. Персональная бухгалтерия из верхнего ящика письменного стола ничего не сообщила об источниках очевидного богатства хозяина. Его вложения были немногочисленными и банальными, расходы он почти не учитывал, пренебрежительно обзывая «мелочью».

– Тут ничем не разживешься, – заключил Хемингуэй с циничной усмешкой. – Наверное, он обманывал налоговое ведомство – тоже мне, новость! Это место ничего нам не расскажет, Сэнди.

Инспектор, оскорбленно разглядывавший картины на стенах спальни Сэтона-Кэрю и явно впечатленный его ванной, сурово возразил, что он, наоборот, немало здесь почерпнул.

– Предрассудки! – отмахнулся Хемингуэй. – Ваша беда в узости взгляда. Замечали, что у всех гомосексуалистов одинаковые слуги? Их можно раскусить с первого взгляда. Очень рассчитываю на успех сердечной беседы!

Но вскоре выяснилось, что хозяин не откровенничал с Фрэнсисом Кейстером. Тот, взволнованно пригласивая свои густые кудрявые волосы, рассказал, что служит у Сэтона-Кэрю полтора года и не может пожаловаться на условия, поскольку хозяин, будучи джентльменом, часто обедал и ужинал вне дома. Занимался ли его хозяин бизнесом, слуга не знал. Он скорее назвал бы его праздным джентльменом. О гостях Сэтона-Кэрю он не мог сказать ничего определенного, разве что их бывало немного. Правда, припомнил Баттеруика и с воспитанным покашливанием заметил, что тот все принимал близко к сердцу и порой закатывал истерики, особенно если заставлял у Сэтона-Кэрю другого молодого джентльмена и даже леди.

– Мистер Сэтон-Кэрю часто принимал дам? – осведомился Хемингуэй.

– Дамами их называть не приходится, – стыдливо ответил Кейстер. – Зато, – добавил он, явно гордясь хозяином, – его принимали во многих хороших домах.

– У него имелись родственники?

Никаких родственников Кейстер никогда не видел, имени адвоката Сэтона-Кэрю назвать старшему инспектору не смог. Обыск стола в гостиной почти не дал результата: у Сэтона-Кэрю была, похоже, привычка уничтожать свою корреспонденцию, адресной книги у него тоже не оказалось. Зато из чековой книжки Хемингуэй переписал название и адрес банка.

Отправив инспектора Гранта к управляющему филиала, которым пользовался Сэтон-Кэрю, Хемингуэй позвонил в контору доктора Джонсона, Тимоти Харту. Тот не был занят

в это утро в суде и сказал, что с радостью примет старого знакомого, однако оговорился, что делит небольшой кабинет с другим многообещающим адвокатом и предпочел бы встречу у себя дома, в «Пейпер билдинг». Туда старший инспектор и направился.

В жилище Тимоти его впустил мужчина средних лет, типичный ветеран войны. Он пригласил гостя в удобную комнату с окнами в сад, с запахом табака и кожи, всю в книжных полках. Полки были уставлены устрашающими томами судебных решений и прочей юридической литературой, частью приобретенной из вторых-третьих рук и довольно ветхой. Почти весь пол был покрыт старым персидским ковром, у окна высился широкий двухтумбовый стол. За этим столом сидел в черном пиджаке и полосатых брюках, как того требовала его профессия, сам молодой Харт, куривший трубку и рассматривавший бумаги в дешевой папке. При появлении Хемингуэя он отложил бумаги и встал:

– Входите, старший инспектор! Добро пожаловать в мое скромное жилище! Сбросьте с кресла все лишнее и садитесь! Не обращайте внимания на беспорядок: так мне больше нравится.

– Должен сказать, сэр, что мне это тоже нравится больше, чем последние апартаменты джентльмена, в которых я побывал, – произнес Хемингуэй, пожимая ему руку.

– Чьи это апартаменты, позвольте узнать?

– Сэтона-Кэрю.

– Надо же! – удивился Тимоти. – Я предполагал, что он устроился со вкусом.

– Так и есть. – Прежде чем сесть, Хемингуэй убрал с сиденья глубокого кресла «Таймс», роман в бумажной обложке, коробок спичек, две пачки бумаг, перехваченные красной резинкой, и черного кота. – Инспектору Гранту там не понравилось. Что поделать, он шотландец! Лично я гляжу на вещи либеральнее. Нет, благодарю вас, сэр, я, если не возражаете, закурю свою трубку. Захотелось, знаете ли, поболтать с вами о былых временах.

– Ваше право. Выкладывайте, с чем пожаловали? Кто я – главный подозреваемый или справочное бюро?

– Вы всегда были хитрее целой стаи обезьян, сэр, не так ли? Как бы это рано или поздно не навлекло на вас неприятности. Мне действительно нужна кое-какая информация. А еще любопытно, чему вы посвятили время после нашей с вами последней встречи.

– Школе, войне, Кембриджу, адвокатской практике, – лаконично ответил Тимоти.

– Рад, что вы закончили войну живым и невредимым. Где воевали?

– Проще перечислить, где я не воевал.

– Звучит впечатляюще! Не рассказывайте, что не служили в отряде коммандос – все равно не поверю!

– С этим покончено! – со смехом заверил Тимоти.

– Но все равно, если бы из спины Сэтона-Кэрю торчал устрашающего вида нож, я бы не задумываясь арестовал вас.

– Значит, я вас перехитрил? Пиво, виски?

– стакан пива, спасибо, сэр. А теперь шутки в сторону. При желании вы могли бы оказать мне помощь в расследовании. Честно признаюсь, я в растерянности. Крайне непривычная обстановка. Мне бы взглянуть вашими глазами, так сказать, на действующих лиц. Ваше здоровье, сэр!

Тимоти поднял бокал, после чего устроился в кресле по другую сторону от камина.

– Не обещаю, что отвечу. Что именно вы хотите узнать?

– Что за человек был этот Сэтон-Кэрю, чем зарабатывал на жизнь?

– Хотел бы я сам это знать! – воскликнул Тимоти. – Сколько раз я задавался тем же вопросом. Думал, люди этой породы давно перевелись. Ума не приложу, как в наши нелегкие времена можно жить праздным джентльменом, без видимых средств к существованию. Обитать в привилегированном месте, хорошо одеваться, разъезжать в мощном автомобиле, посе-

щать скачки, премьеры опер и балетов, быть принятым в аристократических домах! Женщины чаще всего были от него без ума, мужчин он обычно раздражал. К ним, – оговорился Тимоти, – мы не станем причислять тех, кого вежливости ради назовем «мальчиками». О мертвых либо хорошо, либо ничего. Мелхиседек!

Запрыгнувший ему на колени кот выгнул спину под ласкающей ладонью, дважды развернулся и, громко урча, уселся на свой хвост.

– Вы назвали бы его джентльменом, сэр?

– Скорее невежей высокого класса. Знаю, что вы имеете в виду, и ответ утвердительный. Неизвестно, какая альма-матер имела честь его взрастить, но если Сэтон-Кэрю не обладал редчайшей способностью все схватывать с пол-оборота, то это было одно из достойных учебных заведений. Ни разу не слышал, чтобы он упомянул каких-нибудь родственников, и сам никогда не встречал других носителей его фамилии. Казалось бы, человек с такой громкой двойной фамилией должен иметь по всей стране уйму кузенов! Так нет же! Но будем к нему справедливы, в этой фамилии не было военной приставки. Мне всегда недоставало в нем именно ее. Что еще вам рассказать? Или я уже достаточно наклеветал?

– По-моему, вы его недолюбливали, – заметил Хемингуэй, подмигнув.

– Полагаю, человек вашего ремесла должен обладать развитым инстинктом, – промолвил Тимоти. – Верно, недолюбливал. Вообще говоря, я симпатизирую его убийце, хотя не скажу, что одобряю удушение людей, пришедших поиграть в бридж. Это как-то нарушает гладкое течение мирного вечера.

– Если не возражаете, сэр, я назову вас хладнокровным молодым дьяволом! – заявил Хемингуэй. – Если возражаете, то я, конечно, возьму свои слова обратно, но в голове у меня они останутся. Следующий мой вопрос – деликатный. Кто такая миссис Хаддингтон?

– Здесь мне, как и вам, старший инспектор, остается лишь гадать. Вдова со средствами, пролезшая в свет полтора года назад. По словам моей матери, раньше свет о ней ничего не знал. Утверждает, будто долго жила за границей. Очевидная причина ее проникновения в свет – красавица дочь. Как у нее это вышло, одному богу известно. Ее не назовешь привлекательной особой, правда?

– Может, ей помогли деньги?

– В немалой степени. Но деньги не сделали бы миссис Хаддингтон вхожей в те дома, где я ее видел. Говорят, ее поддержала леди Нест Паултон. Они вроде близкие подруги – вот вам еще один повод для удивления. Не сказать, чтобы леди Нест была такой уж разборчивой, но обычно она покровительствует знаменитостям или очень забавным персонажам, а вовсе не сомнительным и тусклым вдовам с красивыми дочерьми. Деньги ее не заинтересовали бы – у мужа их куры не клюют. Желания поддерживать дебютанток она тоже не проявляет. Но весной представила Синтию Хаддингтон в свете и устроила для нее бал.

– Расскажите мне побольше об этих Паултонах, сэр. Начнем с леди Нест. Не та ли это леди Нест Эллербэк, чьи девичьи фотографии красовались во всех газетах?

– Она самая, дочь Грейстоука. В двадцатых годах она вела бурную жизнь. Эдакая Невинная Венера! Неплохо сохранилась, хотя возрастом годится мне в матери. Неугомонная, настоящая афинянка – постоянно в поисках новизны. Паултон – крупный бизнесмен. Его я почти не знаю. С виду спокойный, невзрачный. На приемах своей жены бывает редко. Не хочу сказать ничего дурного, просто деловой человек, постоянно летает в Штаты, на континент, еще куда-то.

– Сэтон-Кэрю был другом леди Нест?

– Да, ну и что с того? На приемах он был нарасхват, хозяйки в нем души не чаяли.

– Вы не преувеличиваете, сэр?

– Нет! Если вам кто-нибудь скажет, что она называла его «дорогой Дэн» или «милый Дэн», не обращайтесь внимания: меня она называет «Тимоти, мой барашек», и в этом нет ни малейшей провокации. Такая у нее манера. Что-нибудь еще?

– А доктор Уэструтер? – произнес Хемингуэй.

– Столл Харли-стрит. Из тех докторов, которые называют пациенток «миледи» и прописывают им прием бокала шампанского и бутерброда с икрой ежедневно в одиннадцать утра.

– Откуда вам известно? – удивился Хемингуэй. – Только не говорите, что от леди Харт, потому что ее я отлично помню, и если она зачастила к модным докторам, то все, что я могу сказать по этому поводу, – за тринадцать лет она сильно изменилась.

– Она совершенно ни при чем! Источник иной – из старой гвардии, и не с приема миссис Хаддингтон! Можете представить Уэструтера в роли главного подозреваемого? Сногсшибательная версия!

– Нет, не могу, хотя, согласно показаниям, он отправился в гостиную из библиотеки, чтобы объяснить задержку в игре.

– И по пути задержался, чтобы задушить Сэтона-Кэрю? Зачем?

– Он говорит, что прежде ни разу с ним не встречался.

– Какая стремительность! Управиться за долю секунды! А как насчет сэра Родди? Это ведь он обнаружил тело. Вот вам и ниточка!

– Когда вы путались у меня под ногами в деле Кейна, сэр, – резко произнес Хемингуэй, – вы, может, и сводили меня с ума, но тогда, по крайней мере, относились к происходящему серьезно, а не как к фарсу! Я не говорю, что от вас не было проку, потому что он был, но вижу, что мне пора уходить!

– Не надо! – взмолился Тимоти, насмешливо вытаращив голубые глаза. – Вы из-за звонка в дверь? Нет, сидите! Я велел Кемпси говорить, что меня нет. Все равно в это время могут наведываться одни коммивояжеры. А вообще-то я нарасхват!

Но он ошибся. Раздались неуверенные шаги, и в комнату вошел, прихрамывая, Джеймс Кейн.

– Здравствуй, Джим! – воскликнул Тимоти, поднимаясь с кресла, к неудовольствию кота Мелхиседека. – Какое блестящее общество! Перед тобой твой старый друг сержант Хемингуэй, рядящийся ныне в личину старшего инспектора.

– Ты был на этом приеме? – вскричал Джеймс Кейн, швыряя на стол ту самую газету, что утром привлекла внимание старшего инспектора. – Какой же ты негодник, Тимоти! Ты сам достоин удушения! Ради бога, Хемингуэй, запирайте его в камеру на Кэнон-роу и не выпускайте! Как поживаете? Не скажу, учитывая обстоятельства, что рад встрече с вами здесь, но все равно приятно видеть, что вы не постарели даже на день! Значит, мой чертов брат оказался одним из подозреваемых?

– Увы, сэр, вынужден признать, что так оно и есть, – ответил Хемингуэй, пожимая ему руку.

Глава 10

– Не станешь же ты утверждать, что все это уже попало в газеты? – недоверчиво промолвил Тимоти.

– Многое, – подтвердил Джеймс Кейн. – Ты не упомянул, но держу пари, мама догадается, что ты там находился.

Тимоти, взявший газету и с интересом читавший роковой абзац, усмехнулся:

– Мама не читает такого мусора! Если бы не твой предосудительный литературный вкус...

– Большое спасибо! Между прочим, это любимая газетенка нашей Нэнни! Умеет же она меня огорчить! «Смотрите, папочка, разве это не друзья дяди Тимоти? Я подумала, вам будет любопытно узнать, что про них написано». Еще как любопытно! Выкладывай худшее! И – кто такой Сэтон-Кэрю? Ты действительно во всем этом замешан?

– А как же! У меня нет алиби, этот тип мне не нравился, а тут еще серж... я хотел сказать, старший инспектор обзывает меня хладнокровным дьяволом! Так что перестань воображать, будто единственный в семье, кого можно заподозрить в жестоком убийстве, – ты! До чего мы докатились! Если что-то не позволяет нашему старому другу арестовать меня здесь и сейчас, то лишь непреложный факт, что проволокой для вешания картин я пользуюсь несравненно хуже, чем ножом. Кстати, это чудесное оружие наверняка найдется где-нибудь неподалеку. – Он огляделся. – Не скажу, что всегда держу его под рукой, но...

– Уверен, что не прямо под рукой, сэр, – заметил Хемингуэй и повернулся к Джеймсу Кейну: – С радостью остался бы и поболтал с вами, сэр, но не могу. К тому же вы пришли поговорить с мистером Хартом, так что я ухожу. Он не очень изменился: постоянно вспоминаю сигнализацию, которую он тогда установил перед вашей дверью!

– Негодный молокосос! – воскликнул Кейн, улыбаясь.

Тимоти проводил старшего инспектора до двери. Вернувшись, он застал единоутробного брата за набиванием трубки.

– Какими судьбами в Лондоне, Джим? – осведомился он.

– По делам. А теперь еще и это! – Кейн указал на газету. – Ты действительно в этом замешан, Тимоти?

– Вряд ли. Хотя я там находился.

Кейн с криканием чиркнул спичкой.

– Я полагал, что в нашей семье уже достаточно убийц.

– Нельзя с тобой не согласиться. Но этот не обязательно наш, семейный.

Приминая большим пальцем тлеющий табак в трубке, Кейн хитро покосился на младшего брата:

– У тебя к этому не просто праздный интерес, правда?

– Да, – смело ответил Тимоти. – Совсем не праздный. Девушка, на которой я намерен жениться, принадлежит, как и я, к числу тех, кто мог совершить преступление.

Джеймс Кейн продолжил возиться с трубкой. Наконец из нее показался дымок.

– Значит, все серьезно? Я слышал кое-что от матери.

– Это она подсказала тебе, что твой долг меня образумить? – Тимоти открыл еще одну бутылку пива. – Боюсь, Бьюла ей не приглянулась.

Джеймс взял у него полный стакан и поставил перед собой на каминную полку.

– Нет. Но не воображай, будто я готов безропотно проглотить все, что слышу от матери, ведь я знаю ее гораздо лучше, чем ты. Тем не менее ответь, ты уверен, что сам не совершаешь ошибку, старина?

После этих простых слов продолжать разговор было трудно, но Джейм все-таки постарался:

– Извини за глупый вопрос. Просто хотелось тебя предостеречь: не совершай поступки, о которых будешь жалеть всю жизнь!

– Ладно, не буду.

Кейн выпил пиво и предложил:

– Давай начистоту, Тимоти: только не мезальянс! Видит бог, я далек от вмешательства в твои дела, но, даже допуская, что мама сильно преувеличивает, вынужден признать, что этот брак не для тебя! Не боюсь показаться невежливым, главное, чтобы ты хорошенько подумал и не торопился. На кону не только твое будущее: не забывай о матери, да и об отце тоже!

– Вряд ли отец будет сильно обеспокоен, – заметил Тимоти. – Ему безразлично. Собственно, я всегда считал, что ты ему гораздо интереснее, чем я. Да, мама разочарована. Сначала ты женишься на компаньонке своей двоюродной бабки, потом я – на секретаре миссис Хаддингтон...

– При чем тут это? – возмутился Кейн. – Ну и что, что Пэт была компаньонкой тети Эмили? Она из хорошей семьи, у нее полно родни, и все, если хочешь знать, – люди достойного происхождения!

– Вот здесь я тебя переигрываю!

– Послушай, Тимоти...

– Нет, это ты послушай, Джим! Я очень люблю тебя, твою благородную супругу, ваших несносных отпрысков и то люблю! Ты – парень что надо, и я оплакиваю твою утраченную ногу, но...

– Иди к черту! – прорычал Джим.

– Буквально с языка снял, братец! Еще пива?

– Проваливай!

Тимоти наполнил стаканы.

– Неужели ты принимаешь меня за болвана, которого ничего не стоит переубедить, Джим? Я серьезно спрашиваю.

– Ты далеко не болван. Ты и раньше был крепким орешком, а теперь тем более.

– Да, я держусь. Но учти, если мама внушила тебе, что я влюбился в гибрид кинозвезды и авантюристки, то это неправда! Мне никак не удастся добиться от суженой окончательного согласия. Да, я восхищен ее внешностью, но отдаю себе отчет, что на любом конкурсе красоты у нее не было бы никаких шансов.

– Вот оно что... – уныло протянул Джим. Он опустил в кресло и потянулся к Мелхиседеку, чтобы почесать его за ухом.

– Не сомневался, что ты поймешь. Ты сам отдал должное красоткам, пока не увлекся Пэт, которая по части внешности не выдержала бы сравнения ни с одной из них. Что ж, если тебе надоело изображать старшего брата, то можем продолжить. Если нет, лучше поговорим о погоде.

– Согласен, – буркнул Джим. – Продолжим.

– Рассказывать, собственно, почти нечего, – промолвил Тимоти. – В одном могу тебя успокоить. У нее плохие манеры, но она, несомненно, леди. Нет, черт, даже не так: женщина с хорошим образованием и воспитанием. О ее происхождении мне известно немного: мать – итальянка, отец – английский художник. Никогда о нем не слышал, он определенно оставил дочь без наследства, из чего заключаю, что художником он был неважным и бедным. Но при жизни обеспечивал жене и дочери более-менее достойную жизнь, что свидетельствует о кое-каких средствах – возможно, семейных, переставших поступать после его смерти. Когда умерла мать, Бьюла поселилась у дяди и тети по отцовской линии. По какой-то таинственной причине она с ними порвала и с тех пор зарабатывает на жизнь самостоятельно.

– Бьюла не объяснила тебе этот разрыв?

– Нет. – Тимоти пнул ногой дрова в камине и уставился на взметнувшееся вверх пламя. Потом он снова перевел взгляд на брата. – Я с тобой предельно откровенен, Джим.

– Отлично. Продолжай.

– Я бы предпочел замолчать, но представляю, чего тебе наговорила мать, поэтому лучше открыть истинную картину. В какой-то момент Бьюла перенесла потрясение. Не знаю, что это было, но с тех пор она замкнулась в себе. Она ужасно боится чего-то и прячет свой страх под внешней воинственностью. Похоже, маме от нее досталось. Она сказала тебе, что Бьюла – авантюристка?

– Не помню, что именно она сказала...

– Мы оба знаем маму! Если Бьюла покушается на мои деньги и будущий титул, то она добивается своих целей противоестественными способами! Отлично знает, что стоит ей дать согласие – и я уже завтра на ней женюсь. Однако Бьюла постоянно отвечает мне отказом.

– Почему?

Тимоти пожал плечами:

– Новый подход к авантюризму?

– Нет, она не авантюристка. Я ее такой и не считал: для авантюристки ты не такая уж лакомая добыча. Но вот что я думаю, Тимоти, хотя знаю, это тебе не понравится: похоже, Бьюла не та девушка, которую любящие близкие хотели бы видеть твоей женой.

– Мои любящие близкие...

– Знаю-знаю, все мы можем идти к чертям! Ты был откровенен со мной, и я отвечу тебе тем же. Эти строго дозированные сведения о происхождении мне не нравятся. Не хочу нести чушь об истинной любви и полном доверии, но настоятельно советую тебе не вступать в брак с особой, скрывающей свое прошлое и семью!

Тимоти помолчал и резко произнес:

– Хочу познакомить тебя с ней. Ты сегодня уедешь из Лондона или нет?

– Я остановился в клубе. Неужели я способен ринуться домой, когда ты оказался в щекотливой ситуации? – Это было сказано с нежной улыбкой.

– Ну и дурак! – отрезал Тимоти. – Какой от тебя толк?

– Могу, например, побывать в Беркшире и отговорить мать мчаться первым же поездом в Лондон!

– Беру назад все пренебрежительные эпитеты, которыми когда-либо тебя награждал! – вскричал Тимоти. – Ты – олицетворение силы, Джим!

– Брось! – отмахнулся неблагодарный брат. – Ты сказал, что твоя Бьюла тоже втянута в историю с убийством. Ты серьезно?

– Она знала Сэтона-Кэрю, терпеть его не могла, имела возможность убить его. Ну как, серьезно? Она под подозрением вместе с еще несколькими людьми, включая меня.

– Могла она это совершить? Я не спрашиваю, сделала ли. Допустим, не сделала. Но в женских ли это силах?

– Вполне, – ответил Тимоти. – Я знаю один-два верных способа отправить человека на тот свет, но перед этим они бледнеют. Я видел труп и понимаю, как все было сделано. Сила не понадобилась. Подними руку, я тебе покажу. Нужен носовой платок и вот эта линейка, больше ничего.

Он обмотал запястье Джима платком, продел под него линейку и дважды повернул ее.

– Больно! – вскрикнул Джим.

Тимоти вынул линейку из-под платка:

– Извини. Нужны считанные секунды, когда вместо руки – шея, согласен? Применили проволоку для вешания картин, купленную в тот же день Бьюлой по заданию миссис Хаддинг-

тон и оставленную на полке в туалете. Все это не составляет тайны – полагаю, наш старый друг того же мнения. А как иначе, при такой умной физиономии?

– Хемингуэй? Он подозревает твою девушку?

– Старший инспектор явился сюда за сведениями о действующих лицах. Показательно, что про Бьюлу он меня не спрашивал – вероятно, догадался, что я заинтересованное лицо, или ему помешал твой приход. Если Бьюла в разговоре с ним талантливо изображала, как она умеет, моллюска, то теперь он полон подозрений. Я хотел принять участие в ее допросе, чтобы не дать ей повести себя опрометчиво, но она не позволила. Не знаю, что там действительно произошло. Когда все закончилось, я отвез ее к ней домой, но по дороге она не была склонна общаться, а я не настаивал. Сегодня днем я собираюсь побывать на Чарлз-стрит и кое-что разведать. Потом, если получится, приглашу Бьюлу поужинать в какое-нибудь тихое местечко, например в «Арманд». Присоединяйся к нам, Джим! Часов в восемь, форма парадная. Сам я буду там в любом случае.

– Хорошо, – кивнул брат, неуклюже вставая из кресла. – У меня деловая встреча с одним человеком за ланчем в «Савойе», но вряд ли она затянется. Если успею, то побываю днем в Чамфриз, попотчую матушку снотворным и вернусь.

– Я тебя подвожу! – виновато простонал Тимоти.

– Да. Как всегда. Считай, что я в нокауте. Скажу матери, что сам полюбуюсь на Бьюлу, это даст вам отсрочку. Но она захочет узнать мое мнение о ней, так что будь добр, приведи ее сегодня вечером! Твой рассказ меня встревожил, но все равно она лучше той блондинки, если верить маминому описанию!

– Господи, мать и про Синтию Хаддингтон пронюхала? Невероятно! Невинный флирт – а она тут как тут! Синтии Хаддингтон я ни к чему, она охотится за крупной дичью.

Это легкомысленное утверждение вскоре было опровергнуто. Днем явившись на Чарлз-стрит, когда миссис Хаддингтон, по его расчетам, должна была отдыхать, Тимоти был препровожден дворецким Фримби в гостиную, где застал в кресле у камина Синтию. У ее ног валялись газеты, прекрасное лицо выражало неудовольствие. При виде Тимоти Синтия вскочила и со смутившей его непосредственностью бросилась ему на грудь.

– О, Тимоти, слава богу, что вы пришли! – И она расплакалась.

Молодой Харт побледнел. Бедняжке определенно требовалось утешение, к нему он и прибег.

– Ну, не надо так переживать! – воскликнул Тимоти. – Возьмите себя в руки, Синтия!

– Это было так ужасно! – всхлипнула она, ничуть не обидевшись на бесчувственность кавалера.

– Согласен. – Он разжал ее руки и снял со своей шеи. – Но вы все-таки не плачьте, а то носик покраснеет. Лучше сядем, и вы расскажете мне о событиях, случившихся после вчерашнего вечера.

– Никаких событий! – пожаловалась она. – Это-то и страшнее всего. Все вокруг пугает. А тут еще мама не пускает меня в гости к Мэг, заставляет носить мерзкое черное платье, в котором я сущая ведьма, вылитая тетя Вайолет, спасу от нее нет, да и пудреница куда-то заделалась. Делать совершенно нечего, а по радио сплошь хоралы и учебные программы для военных, лучше умереть! Ну и, конечно, я страшно расстроена из-за Дэна, но никто меня не понимает, всем безразлично! Он бы не возражал, чтобы я ходила в гости, не то что родственники! Маме следовало бы отпустить меня, дать проветриться!

После этой тирады Синтия потащила гостя за руку к дивану, заставила сесть и опять разрыдалась, теперь у него на плече. Было невозможно определить, которая из бед в обширном перечне, пересказываемом пополам со всхлипами, больше всего ее удручила. Тимоти и не пытался разобраться, вся его энергия уходила на утешение. Синтия смущала его тем, что

повисла на его лацкане. Плечо пиджака оказалось под угрозой пропитаться ее дорогой пудрой, и Тимоти смирился с необходимостью срочно отправить вещь в чистку.

Синтия лепетала, что если придется ходить в черном до самых похорон, то матери следовало бы купить ей новую одежду, а не посылать за скучной мисс Спеннимур, чтобы та перешила для дочери два платья из материнского гардероба. Даже ненавистная тетка Вайолет согласна: глупо носить траур по чужому человеку. Вероятно, любимую пудреницу стянула подлая горничная матери. Тимоти обязан согласиться, что она, Синтия, излишне чувствительна и огорчается по любому пустяку. Тимоти не уточнил, относит ли она к этой последней категории ужасное убийство старого друга. Он заверил, что ее чувствительность ни у кого не вызывает ни малейшего сомнения.

– О, Тимоти, вы такой милый! – заявила Синтия. – Я вас люблю! Думала, что с ума сойду, но стоило вам войти – и я почувствовала себя совсем по-другому.

У Тимоти волосы встали дыбом. Внутренний голос подсказывал, что глупо верить этим безыскусным речам, но мужской инстинкт запрещал предаваться излишним рассуждениям. Никогда еще он не бывал настолько рад, когда момент нежности бесцеремонно прерывался. Идиллию нарушило появление миссис Хаддингтон и ее сестрицы. Пальчики Синтии держали его лацкан уже не так крепко, что позволило ему оглянуться на вошедших. Осталось лишь оторвать от себя плаксу и проворно встать с дивана.

Не вызывало сомнения, что обе немолодые дамы имели возможность наблюдать трогательную сцену и теперь взирали на Тимоти с одобрением. Миссис Хаддингтон, волочившая за собой черный шлейф, с улыбкой протянула ему руку и промолвила:

– Как мило, что вы здесь, дорогой Тимоти! Знаю, никто не повлиял бы на мою бедняжку дочь лучше вас. Девочка безутешна, Дэн был ей как родной дядя!

– Все нет, мама! – возмутилась Синтия.

– Вздор! А если не был, то напрасно, – вмешалась мисс Пикхилл. – Вы мистер Харт? Много о вас слышала и очень рада с вами познакомиться! Боже, дитя мое, вытри лицо! Гадость с ресниц испачкала тебе щеки. Нет, что будет с современными девушками? Стыдись, Лили, зачем ты позволяешь ей портить облик, дарованный Всевышним?

– Вы ничего не понимаете! – огрызнулась Синтия.

– Потому что не хочу! – ответила тетушка, смягчая резкость тона снисходительностью, с которой она взидала на это очаровательное создание, сломленное горем. – Я понимаю одно: ты замешана в отвратительном скандале! Я всегда знала, что этим закончится. Сейчас речь не о моих чувствах, хотя кровь не водица: я сообщила Брусли, что не смогу присутствовать на сегодняшнем собрании, и бросилась в Лондон. Мой бедный отец! Наверное, он переворачивается в гробу!

– Лорд Гизборо! – провозгласил из дверей Фримби, уподобившись Провидению.

– Ланс! – взвизгнула Синтия и, к облегчению Тимоти, метнулась на шею вновь прибывшему. – Вы – ангел!

– Синтия, дорогая! – предостерегла дочь миссис Хаддингтон.

Мисс Пикхилл схватила пенсне, прикрепленное длинной золотой цепочкой к специальной пуговке на ее впалой груди, и водрузила его себе на переносицу.

– Он! – неодобрительно изрекла она. – Тот самый молодой человек, о котором я слышана? Ну-ну...

Ее тон свидетельствовал, что его светлости не следует рассчитывать на сочувствие. Но самолюбие Гизборо от этого не пострадало: он был так очарован и опьянен столь лестным для него поведением прекраснейшей девушки Лондона, что почти не заметил мисс Пикхилл. То, как стремительно исчез траур Синтии, ничуть не поколебало его восхищения. Считая по никому не ведомой причине, что в России траур отправлен в утиль вместе с другими бессмысленными условностями побежденной буржуазии, он выступил с пламенной речью. Ее суть сво-

дидась к тому, что самым правильным для Синтии способом почтить память старого друга, которого постигла столь ужасная судьба, было бы немедленно нырнуть в омут разнузданных увеселений, предлагаемых Лондоном, – предпочтительно в его обществе.

– Молодой человек, – не вытерпела мисс Пикхилл, – вы несете вздор! Одно дело – избыточно горевать, и совсем другое – скакать по Лондону еще до того, как беднягу предадут земле!

Оригинальные воззрения каким-то образом сочетались у лорда Гизборо со впитанным с молоком матери почтением к буржуазным условностям. Поколебавшись, он уточнил:

– Приглашаю вас на спокойный ужин со мной и Трикси. Мы втроем, больше никого.

– Нет, милый Ланс, только не это! – воскликнула Синтия. – В Трикси я, конечно, души не чаю, но уж слишком она тусклая и вялая. Не хватало, чтобы она стала мне внушать, что мне понравилось бы жить в России, где непонятные люди обращались бы ко мне «товарищ» и где я все делала бы из-под палки и имела бы не больше денег, чем остальные. Мне это совершенно ни к чему, особенно сегодня!

– Ничего подобного! – оскорбился Гизборо. – У вас извращенное представление о коммунистическом государстве, вами владеют предрассудки и предубеждения...

– Не понимаю, почему ваши представления должны быть предпочтительнее моих! – возразила Синтия. – Вы же там не были, откуда вам знать? И вообще, это же смертная тоска – беспрерывно болтать о замшелой загранице, которая, наверное, в подметки не годится Англии!

– Это Англия не годится ей в подметки, – отозвался уязвленный Гизборо.

– А вот и нет! Пусть русские живут как хотят, но это же уму непостижимо, когда такие люди, как вы с Трикси, строите восторженные гримасы, стоит кому-нибудь обмолвиться о России, будто она – ваша религия! Будьте осторожны, вас того и гляди примут за русских. Какое падение, Ланс!

Глаза его светлости вспыхнули, он побелел. Было ясно, что при всем ослеплении Синтией он не станет безропотно проглатывать богохульство. Прежде чем с его дрожащих губ слетели подобающие серьезности случая слова, Тимоти поспешил откланяться. Миссис Хаддингтон не пожалела для него самой ослепительной улыбки, подчеркнув этим, что хорошо понимает его нежелание долго оставаться в обществе лорда Гизборо. Задержав руку Тимоти в своих ладонях, она промолвила:

– Учтите, вы здесь всегда желанный гость. Жду вас через день-два на неформальную встречу в узком кругу!

Он ограничился ничего не значащими фразами вежливости, избежав определенного ответа, попросил миссис Хаддингтон не вызывать звонком дворецкого и не провожать его вниз, после чего удрал, чувствуя себя оленем, чудом увернувшимся от наседающих гончих.

Сбегая вниз, Тимоти соображал, где искать Бьюлу. Стук пишущей машинки привел его в библиотеку. Войдя и бесшумно затворив за собой дверь, он радостно произнес:

– Привет, милая! Как ты сегодня?

– Тимоти! – воскликнула она. – Что ты здесь делаешь? Миссис Хаддингтон знает?

– Что я у тебя – нет. Надеюсь, она не крадется за мной по пятам. – Он наклонился и чмокнул Бьюлу в макушку. – Прекрасно выглядишь! Что делаешь?

– Сочиняю грубое письмо в шляпную мастерскую.

– То есть развлекаешься. Послушай, мое сердечко, ты надолго занята? Может, поужинаешь со мной?

– Вряд ли, хотя... Нет, лучше не надо!

– Я противоположного мнения!

Она неуверенно улыбнулась:

– Не напирай! Я не знаю, как быть, Тимоти!

– Не волнуйся, любимая, мы все обсудим в «Арманд». Лучше бы ты, конечно, не тянула с согласием выйти за меня замуж, это спасло бы меня от Хаддингтонов. Только что это адское

отродье залило мне слезами весь пиджак, а старая карга-мамаша смущала меня неподобающим намеками. Дался же я им! В восемь часов – тебя устраивает?

Бьюла молча уставилась на клавиши машинки. Тимоти провел пальцем по ее затылку.

– Договорились?

Неожиданно она обернулась и обвила ему шею руками.

– Решено! – крикнула Бьюла. – Да, мне все равно! Я выйду за тебя!

Наградой ей стали удушающие объятия.

– Отлично! – сказал Тимоти. – Тогда – шампанского! Ничего, Джим не отвертится. Знаешь, мой брат сейчас в Лондоне и хочет с тобой познакомиться. Я позвал его в «Арманд».

Она высвободилась из его объятий.

– Наверное, он приехал отговорить тебя жениться на мне?

– Вовсе нет, дитя мое, успокойся! Он хороший парень, главное, будь с ним вежлива, и он благословит наш брак. А теперь мне лучше исчезнуть, а то меня застанут тут и обвинят в заигрываниях с тобой. Полиция больше не навевдалась?

– Пока нет.

– В случае чего будь повежливее и с Хемингуэем. Он тоже хороший парень и, главное, совсем не дурак, – предупредил Тимоти.

Через несколько часов ему в контору позвонил Джеймс Кейн:

– Тимоти, я уже вернулся. Все прошло в целом неплохо.

– Слава богу! Как они?

– Мать в порядке, у твоего отца опять приступ бронхита. Ты познакомишь меня с Бьюлой?

– Да, причем уже как со своей невестой.

– Неужели? Не зря я предупреждал мать, что все к этому идет.

– Что ты ей наговорил?

– Практически то же самое, что ты мне.

– Что?!

– Все хорошо, разве ты ее не знаешь? Достаточно только показать ей человека, нуждающегося в защите. Я не утверждаю, что она – сторонница этого брака, но готова подождать моего суждения о Бьюле. Более того, мать сказала, что если суждение окажется благоприятным, то она с радостью пригласит Бьюлу в Чамфриз на уик-энд, чтобы самой с ней познакомиться.

– Чудесно, Джим! Ты не представляешь, как я тебе благодарен! Сегодня шампанское за мной!

Благодаря, главным образом, приятным манерам Джеймса Кейна, а также поведению его младшего брата ужин прошел более-менее успешно. Бьюла стеснялась, говорила мало, зато прекрасно выглядела и, держа Джима на расстоянии, все же не проявляла враждебности. Он наблюдал за ней исподтишка и присудил ей весомые очки. Сам он питал пристрастие к блондинкам, но был готов отдать Бьюле должное. Ему понравились ее разлетающиеся ото лба волосы, изящные руки, трогательный затылок. Сначала его насторожил ее натянутый вид, но стоило ей улыбнуться – и вся она преобразилась. Кейн решил, что Тимоти покорила именно ее улыбка. Бьюла улыбалась редко, но уж когда это случалось, глаза переставали смотреть сумрачно и она делалась на несколько лет моложе. Голос имел приятный тембр, она не проглатывала гласные, но и не бубнила в нос, что, увы, пользовалось популярностью среди ее сверстниц. Чего ей не хватало, так это светскости и утонченного очарования, она не старалась придать беседе легкость, на обращенные к ней вопросы порой отвечала отрывисто. Раньше Кейн не мог представить, что его бойкого брата привлечет такая девушка, и на протяжении ужина он вновь и вновь задавался вопросом, что побудило Тимоти отдать сердце этой холодноватой и даже грубоватой особе. Но, увидев, как они с Тимоти смотрят друг на друга, он был сражен. Со значением этого пылающего взора нельзя было ошибиться: Бьюла по уши влюблена в Тимоти.

Когда подали кофе и ликер, Тимоти разглядел за дальним столиком своих знакомых, те поприветствовали его, и он отправился к ним перекинуться словечком. Бьюла решительно посмотрела Джиму в лицо и сказала:

– Простите, я не мастерица светской беседы. Наверное, вы не хотите, чтобы я выходила за него замуж?

Откровенный вопрос застал Джима врасплох. Собравшись с мыслями, он проговорил:

– Как на это ответить, скажите на милость?

– Ответ засчитан. Я не понравилась вашей матери.

– Если вы и ее огорошили подобным вопросом, то этому не следует удивляться.

– Я и не удивилась. Я ее не осуждаю. И вас тоже. Но я все равно стану его женой. Сначала отказывалась. Наверное, вы принимаете меня за дерзкую и расчетливую хищницу, но я действительно пыталась отговорить Тимоти. Не вышло! Жаль, что я не могу похвастаться выдающейся родней. Мать у меня простого происхождения, мои итальянские родичи вам вряд ли приглянулись бы. Семья отца считала его брак мезальянсом, и я вынуждена с ними согласиться. Семья решила, что он опозорил их звучное имя, и облегченно перевела дух, когда он переехал в Италию. Я прожила у людей из этой семьи полтора года и поняла, что лучше умереть от голода, чем провести с ними хотя бы один лишний день. Полагаю, наша неприязнь взаимна, и я больше не намерена с ними видаться. Теперь вы все знаете.

– Похоже, вам изрядно досталось, – осторожно прокомментировал Джим.

От взгляда Бьюлы ему сделалось не по себе.

– Да уж, – подтвердила она, – изрядно. Но теперь жизнь дарит шанс, которого мне не доставало. И я не собираюсь отказываться от него. Если придется побороться за это замужество, то я буду бороться! Я считаю, что должна предупредить вас об этом.

– Со мной вам бороться необязательно: я не опекун Тимоти. Собственно, вам вообще ни с кем не придется бороться. Возможно, моей матери и не по душе этот брак, но если вы с Тимоти действительно друг друга любите, то она не станет вам мешать. С этой стороны вам нечего бояться.

– Я и не боюсь! – быстро ответила она.

– Правда? Как насчет небольшого совета?

– Что за совет?

– Если Тимоти надо узнать о вас или о вашей семье что-то еще, то скажите ему правду прямо сейчас! Не ждите, чтобы он выяснил все уже после свадьбы. Во-первых, так лучше, а во-вторых, шкаф со скелетами в доме не способствует счастью. Простите, если я вас обидел, но я люблю Тимоти и не хочу, чтобы ему причинили боль. Он вам полностью доверяет, а вот вы ему – нет. Я рублю с плеча, но вы сами этого захотели.

Бьюла вспыхнула, губы у нее задрожали.

– Не могу объяснить, но... Порой мне кажется, будто существует причина, по которой ему не следовало бы жениться на мне.

Кейн нахмурился:

– Честно говоря, я не очень-то вас понимаю. Подобная причина действительно существует?

– Нет! Только никто этому не поверит. Никто!

– Звучит мрачно. Поверит ли Тимоти?

– Нет-нет, он не сможет!

– В таком случае вам лучше не выходить за него замуж, – спокойно заметил Кейн.

Глава 11

Пока молодой Харт вынашивал матримониальные планы, а заинтересованные лица тревожно размышляли, почему старший инспектор не проявляет к ним внимания, Хемингуэй не сидел без дела. После возвращения инспектора Гранта из банка Сэттона-Кэрю с пустыми руками они вдвоем отправились в особняк Годфри Паултона на Белгрейв-сквер. Величественный дворецкий, глядевший на них с терпеливой неприязнью, незадолго до обеда пригласил их в приемную в глубине дома и оставил там скучать, а сам отправился за распоряжениями к хозяйке. Когда он снова появился, Хемингуэй испугался, что у бедняги внезапный приступ тошноты.

– Ее светлость примет вас, – сообщил дворецкий, преодолев овладевшие им чувства ровно настолько, чтобы выдать эти полные презрения слова. – Будьте так любезны следовать за мной.

– Вы ему это спустите? – обиженно пробормотал инспектор.

– Все в порядке, – примирительно произнес Хемингуэй. – Привыкайте! В лучшие дома просто так не попадешь: полицию здесь не жалуют. Вы потише, иначе у бедняги случится апоплексический удар.

Дворецкий раздувал грудь, но его физиономия оставалась деревянно-невозмутимой.

– Будьте добры сюда, джентльмены!

Он величественной походкой повел их вверх по широкой лестнице в гостиную на втором этаже, перед дверью которой задержался, чтобы осведомиться, как их представить. Какого бы низкого мнения дворецкий о них ни был, нужные слова были произнесены с должной тщательностью:

– Старший инспектор Хемингуэй и инспектор Грант, миледи!

Детективы вошли, и дверь за ними закрылась.

– Доброе утро, – сказала леди Нест из кресла у камина. – Садитесь, пожалуйста.

В комнате пахло египетскими сигаретами и оранжерейными розами, вазы с которыми стояли на многочисленных столиках и комодах. Обстановка представляла собой смешение неплохого вкуса и вопиющей вульгарности. Над великолепным образчиком comodного мастерства XVII века висела раскрашенная женская голова из гипса с раскосыми глазами, плачевный плод чьего-то разгулявшегося воображения. По соседству с прекрасным синим «Веджвудом» стояло нечто резное, наполненное ароматической смесью. Портрет, больше всего смахивающий на выпиленный лобзиком лабиринт, висел рядом с акварелью Гёртина. На колченогих столиках красовались огромные фотографии людей, снятых в густом тумане. Пока старший по должности пробирался к камину по обюссонскому ковру с цветочными мотивами, инспектор Грант примостился в кресле за одним из столиков и принялся разглядывать загромождавшие его портреты. С одного смотрел красавчик, сверкавший в улыбке отменными зубами и имевший смутное сходство с задушенным из будуара миссис Хаддингтон. В углу портрета очень кстати было подписано энергичным почерком: «Всегда ваш, Дэн Сэтон-Кэрю».

Тем временем Хемингуэй, сидя напротив леди Нест, произносил полагающиеся слова вежливости, прося прощения за беспокойство.

– Что ты, что вы, никакого беспокойства! – заверила леди Нест. – Это связано с бедным Сэтоном-Кэрю? Вы считаете, я могу помочь? Я с удовольствием, только пока не понимаю как.

– Мы проводим необходимую проверку, леди Нест, – объяснил Хемингуэй. – Вы были хорошо знакомы с мистером Сэтоном-Кэрю?

Она стряхнула сигаретный пепел с подола своего однотонного черного платья. Красивые тонкие руки казались хрупкими и словно трепетали. Хемингуэй подумал, что никогда еще не

видел такой беспокойной женщины. Леди Нест напомнила ему бабочку в конце сезона – с начинающими обвисать крылышками, но все еще бесцельно порхающую повсюду.

– О, да, прекрасно знакома.

– Не расскажете ли мне немного о нем? – попросил Хемингуэй. – Кем он был по профессии? Бизнесменом?

– Честно говоря, даже не знаю. Я считала его кем-то вроде финансиста. Меня это не интересовало, я не спрашивала.

– Вы давно его знали, леди Нест?

– Довольно давно. Простите, у меня неважно с памятью на даты.

– Несколько месяцев, миледи? Или лет?

Она звонко рассмеялась.

– Какой вы настойчивый! Все, что я скажу, будет зафиксировано и использовано как свидетельское показание? Меня привлекут к ответственности за лжесвидетельство или за что-то столь же ужасное? Раньше обо мне говорили, что я кончу жизнь на виселице. Только это было очень давно! Вы удивитесь – надеюсь, что так! – если я скажу, что уже разменяла шестой десяток! Есть от чего прийти в уныние... Только и остается, что не делать из этого секрета. Притворяться, будто ты моложе своих лет? Никогда!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.